

НЛО
в
ЗАРУБЕЖНОЙ
ФАНТАСТИКЕ

**НЛО
в зарубежной
фантастике**

Рассказы

**Ленинград
1990**

ББК 84.4. США
Н 71

*Издание осуществлено за счет средств кооператива
«Телекс»*

**Составление
Г. СУПОНИЦКОЙ**

**Оформление художника
С. ДУЖНИКОВА**

ТОТ, КТО ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Каждый раз, когда фары прорезали ночную тьму, Шмидт с надеждой поднимал голову, а его дочь автоматически вытирала и без того сухие стаканы.

— Я думаю, кто-нибудь наконец остановится и поможет нам, — пробормотал он. — С шести часов вечера сидим, как в колбе.

Снаружи пара огней свернула с дороги, пробежала бензоколонку и остановилась. Двое напряженно смотрели, как приближался мужской силуэт. Человек подошел к двери, резко распахнул ее.

— Кафе открыто? Отлично. Бензин не нужен. Но от кофе и какой-нибудь лепешки я бы не отказался.

Он был высок, молод и если и не красив, то по крайней мере не безобразен, — обычновенный средний представитель мужского пола.

Она зачерпнула кофе из старомодного котла. Шмидт слез со стула и пошел к двери. Дочь наблюдала за ним украдкой, стараясь, чтобы посетитель не заметил. Но он заметил.

— Закрываетесь? Я вас не задержу. Выпью кофе, а если дадите пару сандвичей — прихватчу с собой.

У двери Шмидт резко рванулся и отпрянул, согнувшись, как от невидимого удара.

— Мы открыты до полуночи, — сказала девушка. — Так что не спешите. Впрочем, это не имеет значения. То есть я хотела сказать, мы живем здесь.

Посетитель кивнул и принялся за сандвич. Шмидт вернулся. Когда он взбирался на стул, у него слегка тряслась голова.

Потянувшись за второй чашкой кофе, незнакомец заметил, что оба не сводят с него глаз.

— В чем, собственно, дело? На мне узоры или пятна?

Девушка попыталась улыбнуться и покачала головой. Он протянул ей доллар, и она отсчитала ему сдачу, как обычно — клиенту.

— До свиданья, — бросил он через плечо, пытаясь открыть дверь. Потом обернулся с улыбкой. — Ну, а в чем тут секрет? Я почувствовал неладное, как только сюда во-

шел. Вы что, вставили в эту дверь пуленепробиваемое стекло? Что же ты хочешь, мой пончик?

Джекоб Шмидт покачал головой. Девушка ошеломленно молчала.

— Что все это значит? — грохотал незнакомец. — Что вам от меня нужно?! Это шантаж!

Шмидт положил ему на плечо руку с узловатыми венами.

— Это не шантаж. Хуже. Катастрофа. Да, это катастрофа, мистер...

— Эд Келланд.

— Посмотрите сюда, мистер Келланд, — сказала она, срывая со стола громадную скатерть. Потом оттащила стол в сторону — там, где он только что стоял, плавал в воздухе полуметровый светящийся куб.

Келланд обошел его со всех сторон, нагнулся и провел рукой под кубом. Подошел вплотную, хотел прикоснуться пальцем, но побоялся и вместо пальца тронул его карандашом. Карандаш задрожал, наткнувшись на упругую пустоту.

— Как эта штука сюда попала? — повернулся Келланд к Шмидтам.

— В шесть часов отец хотел выйти проверить насос и не смог. Дверь оказалась запертой. Потом я увидела это. Оно висело в воздухе под столом и светилось. Я накрыла стол скатертью, потому что нам было страшно смотреть на это.

— По-вашему, дверь заперта. А как же я вошел?

— Если бы мы могли предположить, что вам это удастся, то остановили бы вас. Неужели не понимаете? Мы хотели, чтобы кто-нибудь нам помог, а теперь сидим в одной ловушке.

Молодой человек вытер лоб платком сомнительной свежести.

— Такое, знаете, трудно проглотить сразу. А задняя дверь?

— Попробуйте сами. Сюда, за стойку.

Келланд поколебался, затем пошел к двери. Вернувшись, он шагнул к окну и попытался открыть ставню. Рука наткнулась на что-то упругое и гладкое. Невесело усмехнувшись, он отдернул руку.

— Может, попробуете тесаком, — неуверенно произнес Шмидт. — Вот, посмотрите, еще с войны остался.

Келланд взял нож и встал перед дверью. Тяжелое лезвие сверкнуло в воздухе и беззвучно вошло в невидимый барьер. Еще и еще сыпались удары, сильные, но бесполезные. Наконец он вскрикнул, выронил тесак и стал дуть на ладонь.

— Черт побери, нож раскалился, как на огне. Похоже, ничего не выйдет. Эта невидимая стена прочна как камень.

Келланд походил перед дверью, все еще продолжая дуть на пальцы.

— А как насчет телефона?

— Мы об этом думали.

— Молчит, значит... И вы понятия не имеете, чьих рук это дело?

— Вы спрашиваете, кто мог сделать то, чего сделать нельзя? — возразил Шмидт устало.

Келланд пожал плечами.

— Просто я хотел узнать, нет ли у вас идеи. Хотя бы самой невероятной идеи.

Ослепительный свет скользнул по стойке бара, дальней стене, пробежался по столам.

— Еще машина, — прошептала девушка.

Грузовик пронесся, не остановившись.

— Наверняка все это связано с полицией. Как в гангстерских фильмах, — сказал Шмидт. После минутного молчания он добавил осторожно: — Разве что пуля возмет это. Вообще-то у меня есть кольт... — Он замялся. — Так, на всякий случай, мало ли что бывает...

— Понимаю. Давайте ваше приспособление.

Шмидт пошарил рукой в каком-то ящичке бара и вытащил здоровенный допотопный кольт.

Келланд усмехнулся и с ожесточением раздавил сигарету.

— Послушайте, выстрел вряд ли что изменит, но все же хочу попробовать.

Ему никто не ответил. Он подождал, пока фары очередной машины приблизились, взвел курок и выстрелил. Кафе содрогнулось от грохота. Неподалеку, скатившись с порога, лежал продолговатый предмет, от которого вился легкий дымок. Келланд схватил пулю носовым платком. Даже через платок он чувствовал, насколько она горяча. Горяча, но не деформирована!

— Думается, мы кое-что узнали, — сказал он задумчиво.

— Что даже пуля не может вылететь? — Шмидт покачал головой. — Это мало нам поможет.

— Еще как поможет! Стальная пуля, конечно, не сплющится, как свинцовая, но и на ней останутся следы, если на таком расстоянии она наткнется на что-нибудь более плотное, чем кипа хлопка. Значит, это не материя, не вещество. Скорее силовое поле. Эх, черт! Хотел бы я вспомнить физику, ведь когда-то учил в колледже! Силовое поле... Силовое поле, пульсирующее в пространстве, невидимое, но достаточно реальное.

— А что это такое — силовое поле? — спросил Шмидт.

— Эдакая крепенькая ловушка материи... Только вот

кем установлена? — Келланд бросил быстрый взгляд на Шмидта. — Как вас зовут?

— Джекоб. А мою дочь Кэти. Она учится в колледже...

— Так вот, мистер Джекоб. Пока мы одни, вы уж лучше расскажите мне все.

— Не знаю, о чем вы...

— Знаете. Это я не знаю — пока. Выкладывайте!

Шмидт провел рукой по лицу.

— Я даже Кэти не рассказывал. Боялся, как бы она не подумала, что и...

— Теперь она уже не подумает.

Шмидт глубоко вздохнул.

— Это было позапрошлой ночью, после того как Генри Уилкенс рассказал о летающем блюдце, а все хохотали над ним. В пятницу. В одиннадцать я запер насос. На небе был молодой месяц и туман, но не сильный. На обратном пути я увидел... ну как бы вам сказать...

— Что это было такое?

— Размером с дом, круглое или, может быть, как яйцо. Оно висело над домом. Туман мешал рассмотреть его как следует, но что-то, я клянусь, что-то там было. Оно не шумело и не светилось, но оно там было.

Келланд зажег сигарету и посмотрел на куб.

— Логично предположить, что силовое поле начинается от этой штуки. А если ее уничтожить?

— Как бы не так, — сказал Шмидт. — Вы к ней и приснитесь-то не сможете.

Встав на колено перед кубом, Келланд ударил его тесаком. Лезвие скользнуло по невидимой гладкой поверхности.

— Похоже, так у нас ничего не выйдет. Вряд ли они оставили уязвимые места в этом поле...

— Что бы это могло быть? — Кэти взглянула Келланду в глаза. — И почему вы сказали «они»?

— Ни одна из существующих на земле машин не может висеть бесшумно. Вполне возможно, что видение вашего отца было чужого, неземного происхождения.

Девушка напряженно кивнула. И тут же спросила:

— А почему бы им не отправиться в Вашингтон, или в исследовательский центр, или даже в редакцию газеты, а не в придорожное кафе?

Келланд посмотрел на нее, размышляя.

— Попробуем рассуждать так: прежде чем отправиться туда, они захотели узнать кое-что о самых обыкновенных представителях человечества. Например, что мы делаем, попав в беду. Как реагируем на загадки за пределами нашего ежедневного быта. Возможно, они выбрали место

наобум. Возможно, они посадили нас в ловушку и наблюдают за нами.

— Значит, остается только ждать?

— Не ждать. Думать! — взорвался Келланд. — И думать быстро. Если моя теория верна, то существует выход.

— Выход? — спросила Кэти. — Но почему?

— Потому что, очевидно, они не собираются куда-то увозить нас. Просто испытание на сообразительность. Когда мы изучаем животных, мы ставим перед ними проблему, которую они в состоянии решить. Мы привязываем бананы возле клетки там, где обезьяны не могут до них дотянуться. Или сажаем крысу в лабиринт, а пищу кладем снаружи. Но мы оставляем обезьяне палку сбить бананы, а крыса может найти выход из лабиринта.

Шмидт и дочь молчали. Келланд зашел за стойку, положил сигарету на газовую горелку и налил из крана стакан воды. Он пил медленно, наблюдая, как вьется от сигареты сизый дымок, и приводя в порядок свои мысли.

Вдруг он резко выпрямился, стакан выскользнул у него из рук. Куб начал пульсировать, разгораясь нестерпимо яркой белизной. Шмидт почувствовал, будто ему стиснули череп руками.

— У меня уши заложило, как в самолете при посадке, — с трудом выговорила Кэти.

— Посмотрите, — выдохнул Шмидт, — я не могу дотянуться до чашки на столике.

Столик стоял у стены. Келланд потянулся к чашке — и наткнулся на невидимый барьер.

— Кэти, проверьте барьер на той стороне, — скомандовал он.

Вскочив на стул, он попытался дотронуться до потолка. Опять барьер. Вытащив свежую сигарету, Келланд помедлил и отбросил ее в сторону. Возможно, им еще пригодится каждая частица кислорода.

Кэти возвратилась.

— Около метра от окна. Что это значит?

— Это значит, что наше пространство сжимается, а количество воздуха для дыхания уменьшается. Это также означает, что связка бананов поднята повыше, чтобы посмотреть, как будут вести себя подопытные.

— Но что же делать?

— Не знаю. Я все стараюсь припомнить что-то, но оно вылетело у меня из головы. Я стоял у плиты... пил воду...

— Да, вы положили сигарету и пили воду. Я, помню, смотрела, как дымок идет к вентилятору.

— Вот именно! К вентилятору! — Келланд двумя прыжками очутился за стойкой и уставился на маленький венти-

лятор. Он был вставлен в железный цилиндр, проходящий сквозь стену.

— Если дым выходил — а он выходил, — значит, барьер не перекрывал трубу. Вентилятор выгонял воздух, а свежий воздух шел через окно. Теперь по-другому. Они сузили барьер, и вентилятор остался снаружи.

Для наглядности он залез на стул. Его рука остановилась в полуметре от вентилятора.

— Каково бы ни было его происхождение, барьер сжимается, сжимая воздух внутри. Вот почему у нас закладывает уши.

— Вы хотите сказать, что мы задохнемся?

— Возможно. Если не поймем, почему раньше воздух выходил.

— Дым всегда выходит сквозь это металлическое кольцо, — простодушно сказала Кэти.

— Верно, сквозь кольцо, сквозь пространство, ограниченное со всех сторон металлом. Как водосточная труба. Может быть, кольцо пробивает барьер? Есть в этом кафе хоть подобие кольца?

— Да, мистер Келланд, обруч от мешка с кофе, — сказала Кэти.

Она подняла крышку кофейного бака и сняла никелированное кольцо. Келланд встал и поднес кольцо к барьеру.

Металл наткнулся на пустоту.

— Не вышло. — В голосе девушки прозвучало разочарование.

— Подождите. Его нужно держать параллельно стене.

Он почувствовал, как кольцо вошло в прозрачную непроницаемость. Держа руку внутри, он пронес кольцо сквозь барьер и вытянул обратно. Шмидт из-за стола завороженно наблюдал за ним.

— Убедились? — спросил Келланд. — Я думаю, вопрос ясен. Нужно кольцо достаточно большое, чтобы через него пролезть. — Он огляделся.

— Другого кольца нет, — печально сказала Кэти.

— А отвертка или хотя бы подобие ее найдется?

Кэти достала отвертку, и он стал обдирать металлические борта стойки. Борт распался на полоски длиной метра по два.

— Гвозди, — командовал Келланд. — И молоток.

Он свернул ленту, скрепил гвоздями концы.

— На эту штуку не рассчитывайте, — предупредил он.

Кэти помогла ему поднять импровизированное кольцо и поднести к барьеру. Он установил его в исходное положение у невидимой стены. На лбу у него выступил пот.

— Сопротивляется, — проворчал он. — Барахло это, а не кольцо.

Неожиданно кольцо вошло в барьер. Келланд издал победный клич, тотчас же сменившийся криком боли. Он отдернул руки, и раскаленная докрасна железная лента упала на пол. Кэти побежала за маслом для его обожженных рук.

— Все равно мы на верном пути, — бормотал Келланд. — Поле возбуждает ток в цилиндре, и цилиндр нагревается. Значит, нужно другое кольцо, потолще. И достаточно большое, чтобы через него можно было пролезть. Это Сезам из проклятой ловушки. Но у нас пока только это.

Он указал на кольцо от кофейного мешка. Его движение как бы выпустило злого джинна. Вторая волна сжатия, намного сильнее первой, сдавила барабанные перепонки. Закричал Шмидт. Он рванулся и, как помешанный, бросился в соседнюю комнату. То была кладовая, забитая консервными банками, садовым инвентарем, мешками с картофелем. Барьер проходил уже возле дверей в кладовую. Шмидт остервенело кидался на него, и его пальцы яростно рвали пустоту.

— Спокойно, спокойно, — сказал Келланд, беря его за плечо. — Что вы там хотели взять?

От его прикосновения Шмидт как будто успокоился.

— Там кольцо, и оно нам нужно.

— Вижу! Обод от старого колеса! — завопил Келланд. — Ну конечно же!

Это был обод от колеса тарантаса начала века, пылившийся в углу кладовой.

— Мы должны его достать, — заявил Келланд, обращаясь к Кэти. — Еще одно сжатие — и в ту комнату вообще не попадешь. Но как?

— Используйте это, — сказала Кэти, подавая Келланду никелированное кольцо. — Просуньте в него мотыгу или палку.

Келланд встал на колени и осторожно приладил кольцо к невидимой стене. Обеими руками он ввел в него острие мотыги и свалил в сторону. Нацепив обод на рукоятку мотыги, он быстро протащил его через барьер.

— Вы первая, — сказал Келланд. Он ввел обод в поле.

— Не надо, пожалуйста. — Отец оттянул Кэти в сторону. — Мы еще не знаем, что случится с человеком, когда он пойдет через поле. Я пойду первым.

Шмидт опустился на корточки, сунул голову и плечи в громадный обод и пролез сквозь него. Как бы удивленный столь легким успехом, он встал на ноги по ту сторону барьера и уставился на остальных. Затем он повернулся

и пошел к двери, вытянув перед собой руки. Ничто ему не препятствовало, и он вышел наружу, но тотчас же вернулся.

Келланд повернулся к Кэти.

— Ваш отец ждет вас.

Кэти зарыдала. Потом она нагнулась, опустилась на корточки и поползла. Отец взял ее за руки и помог подняться.

Обод в руках Келланда был теплым, но не горячим. Ка-кова бы ни была природа энергии барьера, толстый обод с ней справлялся. Келланд никак не мог прогнать мысль, что поле ослабло, даже исчезло. Но когда он пошарил руками вокруг, то убедился, что наваждение еще тут, рядом, и только обод образовал остров в этом море невидимого вещества.

Они вышли на шоссе. Рядом светилось кафе, похожее на завернутую в целлофан игрушку. В теплом вечернем воздухе исчезло все, что казалось фантастическим и страшным.

— Просто не верится. Кошмар какой-то! — сказала Кэти.

— Кошмары страшны, когда они реальны, — возразил Келланд. — Вы умеете водить машину?

Она удивленно кивнула:

— Вот, возьмите ключи. Идите в машину и ждите.

— Что вы задумали?

— Хочу еще раз взглянуть на это.

Он говорил нарочито беззаботным тоном. На самом деле он чувствовал себя далеко не так спокойно. Но он знал, что ничто на свете, даже реальная угроза смерти, не заставит его отказаться от мысли разгадать химеру. Кэти, должно быть, все поняла. Она больше не произнесла ни слова, повернулась и повела отца к машине. Келланд вернулся, приладил обод и проник за барьер.

Белый куб тихо подрагивал в воздухе. Была ли это загадка? Было ли что открывать?

Все еще неся в руках обод, чтобы обеспечить себе выход, Келланд подошел к кубу. Что, если это — силовой щит, скрывающий некое существо, которое настороженно и зорко наблюдает из-за матовой, тускло поблескивающей оболочки за ним, Келландом? А может быть, куб — барьер в барьере, более концентрированное поле того же рода, что и большое?

Подчиняясь внезапному побуждению, Келланд поднял обод обеими руками и бросил на куб. На мгновенье ему показалось, будто время остановилось и в этой замершей машине времени только сердце человека бьется сильными и болезненными толчками.

Обод не упал. Он закачался в воздухе над кубом, тотчас

же разогревшись до красного каления. Келланд отступил на шаг. Обод опустился еще немнога, и в воздухе запахло горячим металлом. Ослепительно белое сияние куба потускнело. Затем обод раскалился еще больше, а куб внезапно потух.

Келланд отошел подальше.

И тогда куб двинулся. Он поднялся, вернее, старался подняться, будто стремясь сбросить с себя груз. Обод поднялся вместе с ним как бы на воздушной подушке. Яростный белый круг блестел каплями расплавленного металла. С последней вспышкой неяркого света куб погрузился в странную красноватую темноту. Обод упал на пол. Что-то еще упало. Что-то внутри раскаленного кольца, вспыхнувшего языками пламени погребального костра. Келланд поспешил схватил со стойки ведро воды и выплеснул на пламя. Пар с шипением и свистом образовал густое облако, огонь погас.

Когда белый туман рассеялся, он увидел внутри обода это. Крохотное эфемерное тельце было раздавлено, как под ударом гигантского кулака. То, что могло быть конечностями, было изуродовано и сморщено в смертельной агонии. Тонкие голубые кости прорвали кожу. Но Келланд мог поклясться, что существо убила не жара, а нечто другое, для чего этот хрупкий каркас не предназначался. Нечто совсем другое, что никогда не позволит существам подобного рода отнять у человека права, данные ему при рождении.

— Давление воздушного столба, — пробормотал Келланд. — Куб был его батисферой. Как только он разрушился, существо погибло.

Теперь ничто не мешало ему вернуться к машине.

ЗВЕЗДНЫЕ УТЯТА

Стоило Уорду Рафферти окинуть взглядом ферму старого Олсопа, как острый нюхом матерого газетного волка он сразу же почуял «липу». Не было ни толпы любопытных фермеров, ни машины «скорой помощи». Обычное захолустье, тиши да благодать.

Дом старого Олсопа оказался замшелой двухэтажной развалиной с кремовыми наличниками на окнах и заросшим сорняками двором. За домом виднелся сарай и с десяток ветхих курятников. Покосившийся забор, которым было обнесено все это хозяйство, кое-где подпирали доски и обрезки труб. Калитка болталась на одной петле, и Рафферти пришлось приподнять ее, чтобы войти. Восхождение на крыльце потребовало от него полного напряжения физических и душевных сил.

Дверь отворилась, и появился мистер Олсон собственной персоной.

— День добрый, — сказал он.

Рафферти сдвинул шляпу на затылок, как всегда перед небрежным «Хелло! Рафферти из «Таймс». Многие знали его репортажи, и ему доставляло удовольствие наблюдать за выражением лица собеседника при этих словах.

— Рафферти? — переспросил мистер Олсон, и Уорд понял, что хозяин дома не был подписчиком «Таймс».

— Я репортер, — пояснил он. — Тут нам позвонили и сказали, что в ваших краях шлепнулся самолет.

Мистер Олсон задумчиво поскреб затылок.

— Не-е-е-е, не слыхал, — после долгой паузы протянул он.

«А стариk-то тугодум», — подумал Рафферти, мысленно окрестив Олсопа молчуном янки.

— Не-е-е-е, — повторил фермер.

Скрипнула дверь, и на пороге появилась миссис Олсон. Пока стариk, тяжело ворочая мозгами, переваривал услышанное, Рафферти повторил вопрос его жене, надеясь, что та окажется покрасноречивее. Но и миссис Олсон покачала головой и с той же выразительной интонацией проблеяла: «Не-е-е-е-е».

Повернувшись спиной к смышленой чете, Рафферти поиском глазами, куда поставить ногу, чтобы не загреметь с треклятого крыльца, и сказал со вздохом:

— Я так и думал, что это «утка». В нашем деле такое бывает. Какой-то осел позвонил в редакцию и наплел что-то про горящий самолет, который упал к вам на поле.

Лицо миссис Олсон внезапно осветилось:

— О-о-о-о! — сказала она. — Но только он не разбился. Да и какой же это самолет? У него и крыльев-то нету.

Нога Рафферти замерла в воздухе.

— Простите... — сказал он. — Так самолет все-таки был? Да, и что там насчет крыльев?

— Угу, — сказала миссис Олсон. — Вон он в сарае лежит. А хозяева его — это которые железо куют.

«Так, это уже лучше», — подумал Рафферти и спросил:

— Стало быть, вертолет?

Миссис Олсон снова покачала головой.

— Не-е-е-е. У него так сверху ничего не вертелось. Да вы сходите в сарай и посмотрите сами. Проводи его, Альфред. Только идите по дорожке, а то после дождя весь двор развезло.

— Пожалуйте, — оживился мистер Олсон. — Я и сам не прочь взглянуть на эту штуку еще разок.

Рафферти плелся за стариком по доскам и думал о том, что за свою репортерскую жизнь он навидался всякого диковинного люда. Попадались ему и чудаки, и недоумки, и идиоты, и просто психи, но таких олухов, как эти Олсоны, он еще никогда не встречал.

— Ну и цыплят в нынешнем году, скажу я вам. И все как на подбор. Минорки — порода что надо! Кочетков выписал — загляденье... Как по-вашему, мистер Рафферти, на звезде с цыплятами получше дело будет, чем у нас, а?

Уорд машинально посмотрел на небо и тут же оступился в грязь.

— Где-где?

— Да на звезде.

«Тыфу ты, — разозлился Рафферти. — Видно, старик совсем сиятил».

Тем временем мистер Олсон добрался до сарая и безуспешно пытался открыть дверь.

— Заедает, — радостно сообщил он.

Рафферти поддал дверь плечом, и когда та, скрипя, приотворилась, просунул голову внутрь. Как только глаза его привыкли к полутьме, он сразу понял, что тащился в окаянную эту грязь не зря.

Посреди сарая возвышался странный предмет, что-то вроде наполовину надутого воздушного шара. Плоское

днище его покоилось на дощатом полу, усыпанном опилками и жухлой соломой.

«Все ясно, — решил Уорд. — Видно, таким и должен представляться космический корабль какому-нибудь титану мысли из местных свинарей».

Рафферти уже видел набранный крупным шрифтом заголовок во всю страницу «Таймс»: «Неграмотный фермер строит ракету для полета на Луну!»

— Мистер Олсон, — небрежно спросил он. — И долго вы возились с этой посудиной?

Старик с минуту подумал, а затем широко улыбнулся.

— Да что вы, мистер Рафферти. Такое мне не под силу. Это ведь не курятник сколотить. В этой штуке приехали одни наши знакомые.

Рафферти пристально взглянул на Олсона и увидел, что лицо его серьезно.

— А кто эти ваши знакомые? — вкрадчиво поинтересовался он.

— Вы, верно, смеяться будете, — ответил фермер, — но я толком и не знаю. Уж больно плохо они по-нашему говорят. По правде сказать, из них и слова-то не вытянешь. Знаю только, что звать их что-то вроде «люди-которые-куют-железо».

Репортер, слушая вполуха болтовню старика, кружил вокруг дурацкого шара, подбираясь к нему все ближе. Неожиданно стукнулся коленкой обо что-то очень твердое и выругался.

— О, я совсем забыл вас предупредить, мистер Рафферти. У них тут что-то вроде стены. Ее хоть и не видно, а подойти — не подойдешь. Я думаю, это от мальчишек, чтобы не озорничали.

— Где сейчас эти ваши знакомые? — спросил Уорд.

— Так в доме они. Может, вы на них поглядеть хотите? Только трудновато вам будет понять, чего они говорят.

— Русские? — быстро спросил Рафферти.

— Что вы! Они ведь без этих, как их... лаптей!

— Пошли, — хрипло сказал репортер и нетерпеливо зашагал по утопающим в грязи мосткам.

— Знаете, они уже раз приезжали к нам, шесть лет назад, — продолжал разговарившийся фермер. — За яйцами. Я так думаю, они собирались завести птицеферму, там, у себя. Ну, пока они три года домой добирались, яйца-то протухли. Тогда они поворотили и — снова сюда. На этот раз я им маленький инкубатор смастерили, чтобы цыплят прямо в дороге выводить. — Он довольно захихикал. — Летит себе эта штуковина в небе, а в ней цыплята бегают. Вот сме-ху-то!

На крыльце Олсон остановился и, прежде чем пропустить Рафферти в дом, сказал:

— Вот что, мистер Рафферти. Моя хозяйка здорово наловчилась болтать с этими господами. Так что если захотите побеседовать с ними, обращайтесь прямо к ней.

— О'кей, — нетерпеливо бросил Уорд, мягко, но настойчиво подталкивая фермера к двери.

Миссис Олсон сидела в кресле и вязала носок. На стойле рядом с ней мирно жужжал вентилятор. Рафферти взглянул вправо от нее, и челюсть его отвисла. На кушетке у окна сидели два существа с бледно-лиловыми лицами и круглыми, будто нарисованными глазами. На их головах покачивались какие-то странные усики, напоминающие антенны.

Рафферти оперся о дверь, чтобы не упасть. Миссис Олсон, благодушно улыбаясь, повернулась к нему.

— Вот, мистер Рафферти, — сказала она, — это те самые люди, что прилетели к нам в гости в шарике. Знакомьтесь, пожалуйста. — Она подняла кверху палец, и оба существа повернули свои антенны к ней. — А это мистер Рафферти, — сказала фермерша. — Он репортер из газеты. Он приехал посмотреть, на чем вы прилетели.

Рафферти обалдело кивнул. Существа скрутили антенны и вежливо кивнули в ответ. То из них, которое почему-то показалось Уорду особью женского пола, поскребло бок левой клешней. В голове у Рафферти пронеслось: «Спокойно, Уорди! Если это игра, то партнер, кажется, пошел ва-банк. Теперь твой ход. Но ты ведь ушлый парень. Ты не дашь себя облапошить. Тебя принимают за дурачка и хотят с твоей помощью нагреть руки. Но на чем? Реклама? Значит, так: либо это мификация, либо ты пьян, либо ты спятил».

И Рафферти спросил самым небрежным тоном, на который был способен:

— Как, вы сказали, их зовут, миссис Олсон?

— Да мы толком и не знаем, — ответила хозяйка. — Видите ли, они объясняются картинками. Наставляют на вас эти смешные рожки и просто думают. И вы тоже начинаете думать о том же, о чем и они. Я спросила, как их зовут, а потом дала им подумать за меня. И я увидела картину — человек стучит молотком по железу. Вот я и догадалась, что звать их что-то вроде «люди-которые-куют-железо». Может, это какое-нибудь индейское имя?

Рафферти украдкой взглянул на людей, которые куют железо, а потом на миссис Олсон.

— Как вы считаете, — спросил он с невинным видом, — станут они со мной говорить или это... думать?

Миссис Олсон, казалось, была озадачена.

— Они, конечно, будут очень рады. Правда, вам понача-
лу будет трудновато.

— Ничего, уж как-нибудь, — со скрытой иронией ото-
звался Рафферти.

Он нервно вытащил пачку сигарет и закурил. От волне-
ния он забыл погасить спичку, и она обожгла ему пальцы.

— А вы бросьте ее в угольное ведро, — пропела миссис
Олсон.

— Спросите у этих э-э-э... у ваших друзей, откуда они.

Миссис Олсон снова улыбнулась:

— Это не так-то легко, мистер Рафферти, я ведь их уже
спрашивала. Только не очень поняла, что к чему. Но, если
хотите, я еще раз спрошу.

— Этот милый молодой человек, — сказала она громко,
словно разговаривала с глухими, — хотел бы узнать, откуда
вы приехали.

Мистер Олсон легонько толкнул Рафферти локтем.

— Вы, как захотите услышать ответ, поднимайте па-
лец.

Чувствуя себя полным идиотом, Рафферти поднял палец.
Оба рога тут же повернулись к нему и нацелились прямо
между глаз.

Репортер невольно ухватился за косяк двери. У него воз-
никло ощущение, что кто-то тянет, мнет и скручивает его
мозг, словно резиновую игрушку. Его охватил ужас. Он
летел сквозь великую белую пустоту. Мимо проносились
астероиды и метеоры, огромная голубая звезда, ослепляя
нестерпимым блеском, возникла перед его мысленным взо-
ром и пропала. Наваждение исчезло, а Рафферти все стоял,
вцепившись в косяк побелевшими пальцами. Тлеющая сига-
рета валялась на полу у его ног.

Репортер стоял белый как полотно.

— Мистер Олсон, — выдавил он. — Они и вправду из кос-
моса?

— Это уж точно, — охотно согласился фермер. — Издале-
ка добирались.

— Вы понимаете, что это значит? — Рафферти с трудом
подавил истерические нотки в голосе. — Это же грандиоз-
ное событие! Где тут у вас телефон?

— А у нас нет телефона, — флегматично сказал мистер
Олсон. — Разве что на заправочной станции, неподалеку.
Только ведь наши гости с минуты на минуту домой собира-
ются. Может, посидите? Вместе и пойдете. Они уже все
погрузили — и яйца, и инкубатор, и поесть кой-чего.

— Что? — задохнулся Рафферти. — Вы с ума сошли! Они
не могут уехать с минуты на минуту. Господи, мне нужно
срочно позвонить, мне нужно вызвать фотографа!

Миссис Олсон подняла глаза от вязания и невозмутимо посмотрела на разбушевавшегося репортера.

— Увы, дорогой мистер Рафферти. Мы уже пробовали уговорить их пообедать с нами, но им почему-то приспичило ехать именно сейчас. Им нужно застать прилив или что-то вроде этого.

— Луна им нужна, — с видом знатока пояснил Олсон. — Тут все дело в Луне, чтобы она была в нужном месте.

Пришельцы из космоса сидели, скромно сложив на коленях клешни и свернув антенны, словно желая показать, что они вовсе не собираются подслушивать чужие мысли.

Рафферти окинул комнату безумным взглядом в поисках несуществующего телефона. «Я должен во что бы то ни стало дать знать Джо Пегли, — лихорадочно думал он. — Джо наверняка сейчас в редакции. Он обязательно что-нибудь придумает. Хотя нет. Скорее всего он скажет: «Малыш, ты опять налипался в такую рань». Но ведь это мировая сенсация. Это самая что ни на есть мировая сенсация, а ты стоишь здесь и хлопаешь ушами!»

И тут его осенило.

— Эй, Олсон, — заорал он, — у вас есть фотоаппарат? Старый, завалящий, какой угодно. Мне позарез нужен аппарат.

— А как же, — сказал Олсон. — У меня замечательный фотоаппарат. Знаете, такой — гармошкой. Я им цыплят снимал — чудесно получилось. Целая пачка фотографий. Сейчас я вам их покажу.

— Да на кой черт мне ваши цыплята, — чуть не плача простонал Рафферти. — Мне аппарат нужен!

Старик, кряхтя, поплелся в гостиную, и сквозь открытую дверь Рафферти увидел, как он роется в куче хлама, наваленного на фисгармонии.

— Миссис Олсон! — закричал Рафферти, хватаясь за последний шанс. — У меня к вашим гостям уйма вопросов!

— Сделайте милость, — с готовностью отозвалась хозяйка. — Я думаю, они ничего не будут иметь против.

«Боже мой, о чём же спрашивают пришельцев из космоса? Ты знаешь о них все: как их зовут, зачем они здесь (за яйцами), ты даже знаешь, откуда они...»

— Этель, тебе не попадался мой фотоаппарат? — донесся из гостиной голос старого Олсона. Фермерша вздохнула.

— Нет, дорогой. Ты его куда-то убрал.

— Ну ничего, найдется. Правда, пленок к нему нет. Вот ведь незадача какая.

Но тут космические гости уставили антенны друг на друга, словно совещаясь, и, придя к обоюдному согласию, внезапно вскочили и заметались взад-вперед по комнате

так быстро, что Рафферти едва их различал. Через мгновение они стремглав пронеслись мимо него и исчезли в дверях.

Рафферти рванулся вслед за ними. Он бежал к сараю, не разбирая дороги, нелепо размахивая руками и вопя во всю глотку, пытаясь их задержать. На полпути он споткнулся и плюхнулся в грязь. В тот же миг сверкающий шар стремительно выскользнул из сарая и, со свистом рассекая воздух, метнулся ввысь и скрылся в низких свинцовых тучах.

Небольшая ямка в выжженной земле и тонкая струйка пара, поднимающаяся из нее, — вот и все, что осталось от космических пришельцев. Рафферти так и остался сидеть в грязи, раздавленный и опустошенный, с горечью сознавая, что величайшая сенсация в мире, как сказочная жар-птица, безвозвратно пропала в небе. Ни фотографий, ни доказательств, ни свидетелей — ничего. Он тупо перебрал в уме те скучные факты, которыми располагал. «Человек-который-кует-железо». Он несколько раз повторил эти слова, и смысл их вдруг дошел до него. Господи, да ведь это кузнец, значит, по-английски Смит. Ну и дела. Хорош заголовочек: «Мистер и миссис Смит с планеты X в системе Альфа Центавра нанесли в воскресенье визит мистеру Альфреду Олсону на его ферме. Они отбыли на родину с двумя лукошками насиженных яиц и самодельным инкубатором, любезно презентованным им радушным хозяином».

Он поднялся и некоторое время понуро стоял, глядя в одну точку. Вдруг глаза его сузились. Те, кто знали его, сразу бы догадались, что изобретательный мозг Уорда Рафферти, тот самый мозг, который умел выжать из ничего хоть пару строк, вновь заработал на полную мощность. Он галопом понесся к дому и вломился в дверь.

— Олсон! — заорал он. — Эти типы расплатились за яйца?

Мистер Олсон стоял на стуле перед буфетом и рылся в нем в поисках фотоаппарата.

— А как же? — удивился он. — По-своему, правда, но расплатились.

— Дайте-ка мне взглянуть на деньги, — потребовал Рафферти.

— А это вовсе не деньги, — сказал фермер. — Не было у них никаких денег. Просто, когда они были здесь шесть лет назад, они оставили нам взамен десяток яиц, которые привезли из дома.

— Шесть лет назад! — простонал Рафферти. — Стойте, стойте, вы сказали яйца? Какие яйца?

Мистер Олсон довольно крякнул:

— А бог их знает. Странные такие, в форме звезды. Мы посадили на них насекомую. Она сперва нипочем не хотела их

высиживать — видать, кололись сильно. Но ничего, потом привыкла.

Старик слез со стула.

— В общем, скажу я вам, ничего особенного в этих яйцах нету. Вылупились из них эдакие смешные малявочки — мы их звездными утятами прозвали. Они немножко похожи на маленьких бегемотов и немножко на ласточек. А ножек у них целых шесть штук. Выжило, правда, только двое. Мы их в тот же год съели на День Благодарения.

Мозг Рафферти лихорадочно работал, пытаясь найти хоть что-нибудь, что заставило бы его редактора — и мир — поверить.

Он приблизил лицо к самому уху старика.

— Мистер Олсон, — свистящим шепотом спросил он, — а вы случайно не в курсе дела, где могут быть скелетики этих звездных утят?

Фермер озадаченно почесал в затылке.

— Это кости, что ли? А мы их собаке дали. С тех пор уж лет пять прошло. И собака та давно издохла.

Рафферти машинально взял шляпу и медленно, как сомнамбула, направился к двери, бормоча:

— Спасибо, мистер Олсон, вы были очень любезны, мистер Олсон, благодарю за внимание, мистер Олсон.

Выйдя на крыльце, Рафферти нахлобучил шляпу и начал спускаться по ступенькам, тупо глядя под ноги. Он был уже у калитки, когда из дома выбежал мистер Олсон, на ходу стирая пыль с обшарпанного кожаного футляра.

— Куда же вы, мистер Рафферти? Посмотрите! Вот мой фотоаппарат! Я нашел его под кушеткой.

ОДНАЖДЫ ОСЕННИМ ДНЕМ НА ШОССЕ

Белый стул был без спинки, и я почувствовал, что дрожу от напряжения. Я пробыл здесь уже почти час, и за все это время он ни разу не пошевелился на своем тесном ложе. Может быть, поэтому прстыня была совершенно несмятой, как если бы под ней лежал не человек, а покойник.

— Нет смысла, — сказал он утомленно. — Ни малейшего смысла во всей этой истории...

Я хотел возразить ему, но почувствовал, что мне просто не справиться. Он немного помолчал, потом снова заговорил, без всякой связи с предыдущим:

— Все, что мы называли субъективной жизнью, все это, в сущности, нечто нереальное... Как, например, нереальные облака, отражающиеся на глади озера. Когда ветер поднимет зыбь и отражение исчезнет, это ведь не значит, что исчезли и сами облака... Все, что в тот миг произошло на поверхности озера, смерть без смысла и значения...

— И все-таки надо жить, — возразил я машинально.

— Зачем?

— Потому что это естественно...

— Очевидно, ты прав, — сказал он неуверенно. — Естественно, но безрадостно. Появляешься из ничего, существуешь и снова превращаешься в ничто. Другое дело, конечно, если достигнешь какой-то цели, в которой заключается весь смысл твоей жизни...

Я молчал. В комнате, большой, светлой, незаметно стемнело, откуда-то донесся далекий гул. Только его лицо оставалось все таким же белым, с чистыми, гладко выбритыми щеками и вздрагивающими рыжеватыми ресницами. Он перевел взгляд на окно и тихо сказал:

— Будет гроза, тебе надо ехать...

— Ничего, — ответил я. — У меня машина, ничего...

— Нет, ты иди... На шоссе будет скользко, это опасно...

Действительно, оставаться здесь дольше не было смысла. Я чувствовал, как начинает рушиться даже то немногое, что мне с таким трудом удалось укрепить в нем. Я встал и бодро протянул ему руку, но он вяло улыбнулся и не подал своей

— Иди, иди!

Доктора Веселинова я еще застал в кабинете; он сидел, склонившись над рентгеновскими снимками. Один из снимков, который он держал в руках, неизвестно почему напомнил мне далекую, рассеянную в черном мраке галактику.

— Ну, как по-вашему, ему лучше? — спросил он, не поворачивая головы.

— Мне кажется, лучше, — ответил я.

— Необходимо все-таки ему внушить... Без операции я не гарантирую, что он вообще выживет.

— Да, понятно, — сказал я.

Доктор наконец оторвался от снимков и поднял на меня странные глаза оливкового цвета:

— Теперь остается рассчитывать только на вас, на ваше влияние. Его душевные силы на исходе...

У меня заболела голова — от волнения и больничных запахов. Когда я вышел на улицу, над горами действительно висели грозовые тучи, но в ту минуту я не обратил на них внимания. Нервные маленькие смерчи крутились по асфальту двора и разбивались в прах о мою машину. Едва я тронулся, как постеклу застучали первые капли, крупные и стремительные, словно пули. Лишь тут мелькнула у меня мысль, что шины уже очень изношены. Но я особенно не встревожился — после такого тяжкого дня я чувствовал себя совершенно опустошенным. Дал задний ход, выбрался на дорогу и потащился неспешно в гору, не прибавляя скорости.

Буря застала меня уже на первых километрах. Это была, очевидно, одна из запоздавших сентябрьских бурь, но разразилась она с достойным грохотом и треском. Смотровое стекло заливали такие потоки воды, что пришлось остановиться. Я осторожно отвел машину на обочину и выключил мотор. Дождь лил с прежней силой, громовые разряды следовали непрерывно, один за другим. В Иссырском ущелье я попал однажды в такую же грозу, и мне это даже понравилось. Все же на этот раз я хорошо сделал, что остановился: по асфальту, словно река, неслась черная мятежная вода, в которой время от времени отражались мертвенные отблески молний. Рядом, почти сразу же за асфальтом, ничем от него не отделенная, тянулась дышащая испарениями пропасть. Со своего места я видел, насколько она глубока, и можно было не сомневаться, что моя машина, окажись она на дне, выглядела бы детской игрушкой.

Я приоткрыл боковое стекло и пересел подальше от руля, чтобы брызги не летели в лицо. Потом закурил сигарету и откинулся на сиденье. Чувствовал я себя скверно, мысль о смерти не оставляла меня. Я готов был примириться с ней,

вот что самое страшное. Хотя трудно было понять, что значит примириться с мыслью о смерти — ведь никто живой не может ощутить саму смерть!

Ст моего костюма все еще исходил больничный запах и действовал мне на нервы. А что станет, если я вдруг двинусь прямо, к самой пропасти? Каждый назвал бы это безумством. Но в таком случае разве не безумство все, что мы совершаляем в своей жизни? Вот о чем, может быть, размышляет в душе мой друг. По спине у меня пробежала легкая дрожь, и я торопливо поднял стекло.

Гроза как будто стала утихать. Дождь, мутный, серый, еще шел, но уже ослаб, его сносило ветром. Я снова включил мотор. Видимо, где-то далеко на западе в плотном слое облаков приоткрылось оконце, потому что на асфальте появились розоватые блики. Я снова двинулся по горной дороге, а затем постепенно стал прибавлять скорость. Я совсем забыл про свои изношенные шины, колеса с приятным шелестом несли машину по влажному асфальту. Розовых отблесков становилось все больше, даже маленькие березовые рощицы, которые устроились на склонах гор, казались красными.

Я проехал, наверное, километра два, когда увидел на дороге человека. Заметил я его еще издали, он появился откуда-то слева; брел, слегка горбясь, один в этом пустынном месте, и от всей его фигуры веяло унынием.

Пока я смотрел на него со спины, он казался мне человеком пожилым, даже старым. Сухощавый, плечи опущены, в морщинистой шее чувствовалось напряжение, как у вола, который терпеливо тянет куда-то свою повозку. Подъехав ближе, я увидел, что на нем изношенные штаны и грубая брезентовая куртка. Замызганный полупустой рюкзак болтался у него за плечами, словно незрелая, сбитая ветром груша. Я уже совсем проехал мимо, когда вдруг неожиданно для себя остановился. Раньше я часто брал в машину случайных попутчиков, но давно уже этого не делал — то ли стал равнодушнее, то ли просто обленился. Но тут все же затормозил. Колеса пробуксовали, однако снова я не придал этому никакого значения. Открыв дверцу, я посмотрел назад, на старика. В сущности, стариком его назвать было нельзя — ему, наверное, не было и шестидесяти, хотя лицо действительно изборождено морщинами, с грубой, обветренной кожей, какая бывает у заядлых грибников, шатающихся по здешним лесам.

Человек мимолетно взглянул на меня, но продолжал свой путь, очевидно, не предполагая, что я остановился ради него. У меня мелькнула мысль, что он совсем не промок, видно, успел где-то укрыться от дождя.

— Садитесь, — сказал я. — Если, конечно, нам по пути... Он с сожалением взглянул на свои грязные ботинки.

— Я вам наслежу...

— Ничего, садитесь...

Человек, явно колеблясь, подошел к машине. Я открыл заднюю дверцу, он сел, и опять я про себя отметил, что его просторная куртка почти сухая.

— Спасибо, — сказал он негромко.

Однако рюкзака не снял, может быть, опасался, что, когда выйдет из машины, забудет свои грибы. А может, вообще не привык ездить в машине...

— Куда держите путь? — спросил я от нечего делать.

Человек ответил не сразу:

— Да так, иду просто... Куда ветер дует...

Слова были простые, обычные, но голос его удивил меня. Такой хорошо поставленный, звучный голос мог принадлежать, скажем, бывшему учителю гимназии.

— Вот и хорошо, — сказал я. — Я еду до Владо Тричкова...

— Да, я знаю, — проговорил он. — У вас там дача.

— Извините, может быть, мы с вами знакомы? У меня, к сожалению, неважная память на лица.

— Нет, нет, вы меня не встречали, — ответил он. — А я однажды видел вас, вы стреляли из духового ружья...

Я вспомнил об этом случае с досадой и странным ощущением вины. Действительно, года два назад я купил такое ружье для сына, но решил попробовать игрушку, и кончилось тем, что я перебил воробьев во всей округе.

— Да, правда, — пробормотал я недовольно. — Словно бес в меня какой-то вселился...

— Одна из страстей, которая исчезнет у людей в последнюю очередь, — обронил он негромко.

— Какая страсть?

— Да вот эта — убивать.

Голос его прозвучал мягко, в нем не слышалось никакого упрека.

— Ну, не все можно называть убийством, — возразил я обиженно. — Ведь это же охота.

— Ну да, охота, — согласился он. — Но в конечном счете гибнет живое существо...

Я обернулся и взглянул на него. Он показался мне усталым и грустным; сидел, рассеянно устремив взгляд куда-то сквозь стекло.

— Вы случайно не вегетарианец? — задал я дурацкий вопрос.

— Нет, — ответил он. — Не вижу в этом никакого смысла. Несколько лет назад, например, когда конь становился

старым и не мог работать, его сдавали на бойню. И все же в стране было много лошадей. Теперь их сменили трактора... Что от этого выиграли лошади? Разумеется, ничего. Может быть, лет этак через двадцать кони останутся только в зоопарках...

— К сожалению, это так, — подтвердил я.

— Действительно, к сожалению... Блага, которые дает нам природа, оценить по достоинству бесконечно трудно.

Было очень неожиданным и удивительным услышать подобные мысли от такого простоватого на вид человека. И мне показалось странным, что я до сих пор ничего о нем не слышал. Если он здешний, то не мог же он оставаться никем не замеченным. Во всяком случае, в нем было что-то загадочное.

— Вы живете где-то поблизости?

— Нет, не совсем, — ответил он уклончиво.

— Мне подумалось, что вы шли от какого-то дома...

— Почему?

— Ваша одежда была почти сухой, когда я остановил машину.

— Ах да, я и забыл, что вы интересуетесь криминалистикой, — ответил он шутливо.

Это было уже чересчур! Я снова обернулся к нему, и наши взгляды скрестились. Ни у кого не встречал я столь проницательного и твердого взгляда.

И вдруг что-то мелькнуло в этих глазах.

— Осторожнее! — воскликнул он.

Но в голосе его не слышалось испуга, и я не затормозил. Только в следующее мгновение стало ясно, что машину заносит. Я быстро повернулся, взглянул, что там впереди, но машина уже начала скользить вниз по длинному и крутым склону, который терялся где-то за поворотом. Теперь машина летела вниз, уже совершенно неуправляемая. Я даже не успел ничего предпринять. И ранее случалось мне впадать в полное оцепенение, как теперь; я просто бездумно держал руль и не ощущал ничего — ни ужаса, ни отчаяния. Осознавал только, что машина сорвалась и летит в пропасть.

Именно летит — это, пожалуй, самое точное слово. Я помню, что не успел даже зажмуриться в предчувствии страшного удара, и вдруг с изумлением заметил, что машина плавно, как птица, проносится над бездной, вместо того чтобы рухнуть вниз. Я только придерживал руль, машина развернулась сама, и колеса легко, почти без толчка, коснулись асфальта.

С минуту я сидел словно в трансе. Первой моей мыслью было, что все это происходит во сне. Но нет, на сон не по-

хоже. Я хорошо помню все, четко вижу мокрые листья и грязь на асфальте, ручеек, стекающий по изборожденному дождевыми потоками обрыву. Вижу птиц, усевшихся на телефонных проводах, совершенно ясно слышу пыхтенье паровоза, ползущего где-то в горах. Но яснее всего вижу бездну справа от себя, с ее резкой глубиной, мутную, взбаламченную бурей реку. Не сон, но, может быть, галлюцинация? Правда, галлюцинациям я не подвержен, тем более будучи в трезвом уме и здравой памяти.

Я совсем позабыл о человеке, сидевшем сзади. Неожиданно раздался его голос, по-прежнему ровный и негромкий:

— Не стоит так уж изумляться. Все, что произошло, — факт реальный и вполне естественный.

Я вздрогнул и обернулся. Он спокойно сидел на своем месте, словно бы ничего не случилось.

— То есть как реальный?

— Абсолютно реальный! — ответил он серьезно. — Вы человек культурный, вы же знаете, как называется это явление.

— В том-то и дело, что такого явления не существует, — ответил я, все еще не вполне прия в себя. — Во всяком случае, ни один человек на свете этого не видел...

— Не стоит утверждать так безапелляционно... Разве вы ничего не слышали о левитации?

— Слышал, разумеется; но ведь это же какой-то факирский фокус... И кроме того, подобный фокус вряд ли можно проделать с легковой машиной.

Незнакомец улыбнулся.

— Да, с машиной несколько труднее... Но принцип тот же.

— Не хотите ли вы сказать, что знаете и умеете применять законы антигравитации?

— Да, что-то в этом роде...

— Но для этого нужен какой-то мощный источник энергии, — усомнился я.

— Понятие об энергии отнюдь не исчерпывается тем, что знают о ней люди...

Знают люди? Что он хочет этим сказать? Разве он не человек? Но какое бы значение ни крылось в словах, факт оставался фактом. Перед моими глазами все еще стоял грязный след от колес, оборвавшийся почти у самого края пропасти. И вместо того, чтобы лежать где-то там внизу со своей вдребезги разбитой машиной, я мирно сидел за рулем в нескольких метрах от возможной катастрофы. Я человек без предрассудков, я готов признать, что существует даже дьявол, но только в том случае, если увижу его собственны-

ми глазами. А человек на заднем сиденье мог быть похожим на кого угодно, только не на дьявола.

— Вы сделали это ради меня? — продолжал я задавать вопросы.

— Не совсем так... Ведь вы по моей вине чуть не попали в беду. Если бы я не сел в машину, этого бы не случилось. — Он откинулся назад и прибавил: — Ну поехали.

Я молча включил мотор и только теперь припомнил, что не выключал его. Я вел машину на небольшой скорости, руки у меня все еще слегка дрожали. Когда мы проехали сотню-другую метров, я снова подал голос:

— В сущности, каждый земной человек, кто бы он ни был, тайно верит в чудеса. И я только сейчас ясно осознал почему. Потому что он никак не может примириться с мыслью о смерти.

— Вот уж что нельзя назвать чудом, — возразил он, — а также каким-то особенным благом. Бессмертие сознания не является проблемой в существующей и возможной жизни. Проблема совсем в другом...

— В чем именно?

— Много хотите знать, — шутливо сказал он. — Вообще, проблема заключается в самом существовании...

— А вы земной человек? — спросил я внезапно.

Он промолчал.

— Интересно бы услышать ваше мнение...

— Мне это представляется совершенно невероятным, — ответил я. — То, что вы уже умеете, люди, наверно, смогут делать только спустя сотни лет...

— Оптимизм — хорошая вещь, — сказал он. — И все же я не верю, что это будет так скоро.

— Отсюда следует, что вы посланец некой внеземной цивилизации?

— Вы мыслите логично! — ответил он.

— А разве это неверно?

— Доверяйте своей логике...

— А почему вы не отвечаете мне прямо?

— Очень просто, — сказал он. — Я обязан хотя бы формально придерживаться инструкций, которые мне даны.

— Ясно, — кивнул я.

Некоторое время мы ехали молча, но мысль моя продолжала напряженно работать. Любопытно все же, как легко, как быстро сматывается человек с самыми необычайными явлениями, стоит только ему однажды поверить в них. Я, кажется, действительно поверил, хотя разум мой все еще сопротивлялся.

Дождь перестал, и впервые с тех пор, как началась гроза,

мимо проехали два грузовика. Это словно бы придало мне храбрости, и я спросил осторожно:

— Куда же вы направляетесь?

— Я уже сказал — просто так, путешествую...

— Тогда, может быть, заедете ко мне?

— А почему бы нет? — ответил он. — Такому человеку, как я, некуда спешить...

Мы были уже недалеко от Владо Тричкова. Навстречу попадались люди, по обочине босой мальчишка тянул на короткой веревке большую белую козу. Как всегда, перед кафе стояло несколько грузовиков, из открытых окон слышался обычный гомон. Я свернул с шоссе на узкую ухабистую дорогу, и она привела нас к даче.

— Приехали! — проговорил я, вздохнув с облегчением.

Мы вылезли из машины и пошли по дорожке. У ворот я нарочно пропустил его первым. Мы шли вдвоем под нависшими ветвями деревьев, задевая влажную листву. Крупные дождевые черви, розовые, отмытые дождем, ползали повсюду, и я заметил, как он осторожно переступал через них. Господи, совсем обычный человек. Все в нем было очень земным, очень будничным — стоптанные ботинки, брюки, уже изрядно поношенные, даже рюкзак, в котором он, наверно, прячет свои удивительные сокровища. Да мне бы и во сне никогда не приснилось, что я встречу такого представителя звездных миров!

В холле он снял рюкзак, я предложил ему мягкое кресло, а сам расположился напротив. В ту минуту я не чувствовал ни смущения, ни беспокойства, ни даже особой почтительности — словно бы ко мне в гости зашел один из старых друзей. Теперь я мог смотреть ему прямо в лицо, но это ничего не прибавило — и лицо было самым обычным. Он выглядел человеком из плоти и крови — от седых волос в бороде до рыжеватых выгоревших ресниц.

Неожиданно меня охватило неприятное чувство, что я стал жертвой какой-то мистификации.

— Что-нибудь выпьете? — спросил я.

— Стакан томатного сока, если можно, — ответил он спокойно.

Томатный сок и правда был в холодильнике.

— Добавить немного водки?

— Нет, только сок...

— Вы знаете, что еще есть в холодильнике?

— Да, набит основательно, — шутливо отозвался он. — И кроме всего прочего, там блюдо мелкой жареной рыбы.

Это было верно. Несколько дней назад я наловил рыбы в верховьях Искыра. Я сам ее жарил, но поесть еще не успел.

— Кстати, — сказал я обрадованно, — хотите достану?

— Нет, нет, спасибо, я не голоден...

— В конце концов, ведь вы в точности как я, из плоти и крови... И, конечно, можете испытывать голод...

— Не совсем верно, — возразил он. — Тот, кого вы видите перед собой, скорее великолепная имитация...

— Как это понять?

— Вот так!

Он сосредоточился на миг, потом вдруг взмахнул рукой и ребром ладони ударил по круглому столику, разделявшему нас. Но вместо того чтобы стукнуться о стол, рука прошла сквозь твердый материал, словно была бесплотной. Я был поражен. Неизвестно почему, это произвело на меня даже более сильное впечатление, чем фантастический полет моей машины над бездной.

— Теперь вы видите, сколь странными свойствами может обладать материя, — по-прежнему шутливо заметил он. — Не правда ли, с ней можно сделать все что угодно...

— Я где-то читал, — пробормотал я в изумлении, — что просто... это абсолютно невозможно...

— И я тоже об этом читал, — усмехнулся он. — Для вас действительно невозможно. Так же как и наши возможности неграничны. Но во вселенной возможно все. Невозможно только, разумеется, создавать субстанцию. Она существует, и этим все исчерпывается.

Я молчал — не мог собраться с мыслями.

— Ну а как насчет вашего томатного сока? — спросил он.

Я встал и так же молча пошел на кухню, открыл холодильник. Прежде всего мне бросилось в глаза блюдо с рыбой. Я взял две жестяные банки томатного сока, два чистых стакана и вернулся в холл. Незнакомец сидел за столом все в той же позе и задумчиво смотрел в широкое окно. Пока я открывал банки с соком, он не произнес ни слова, и у меня было такое чувство, будто его вообще нет в этой комнате. Наконец я разлил сок и взял свой стакан.

— Давайте чокнемся! Хотя бы и томатным соком...

— Давайте чокнемся, — согласился он.

Стекло звякнуло, он поднес свой стакан к пересохшим губам. И, как мне показалось, выпил с удовольствием.

— Позвольте задать вам еще один не слишком тактичный вопрос, — сказал я. — Насколько я понимаю, вы здесь, на Земле, не для того, чтобы своими знаниями помочь развитию нашей цивилизации. Тогда ради чего? Контролируете?

— Нет, конечно. Контролировать вас или помочь вам — значит вмешиваться в вашу жизнь. А мы никогда этого не

будем делать. Я здесь в качестве обычного наблюдателя от нашей цивилизации и беспристрастного информатора...

— Не знаю почему, но это сообщение меня не удивило.

— Так я и думал, — пробормотал я.

Он с любопытством взглянул на меня:

— А именно?

— Логика очень простая, — ответил я. — Бесконечность вселенной предполагает неисчислимое множество форм материи. И, разумеется, нельзя утверждать, что только здесь, на нашей маленькой планете, существует та единственная форма, которую именуют человеческим сознанием. По-моему, это абсурдно.

Он чуть заметно улыбнулся.

— Разве это не так? — удивился я.

— Продолжайте, продолжайте...

— Итак, наша цивилизация существует всего несколько тысяч лет, и все же это единственная развитая цивилизация. А если бы она существовала несколько миллионов лет? Логика подсказывает вероятность существования во вселенной еще более развитой, могучей цивилизации: очевидно, для нее не представляло бы особой проблемы узнать о нас и войти в контакт с нами. Я не раз сам себе задавал вопрос, почему этого не происходит, почему так изолирована и одинока наша маленькая планета.

— Но я мог бы вам возразить, что время и пространство реально существуют, — ответил он спокойно. — И что масштабы, по которым живет ваша цивилизация, неизмеримы с масштабами времени и пространства в нашей Галактике.

— Нет, такое утверждение представляется мне абсурдным, — сказал я. — Мне трудно поверить, что даже скорость света — предельная скорость, с которой мы можем передвигаться в пространстве. Все эти понятия крайне относительны. Абсолютна сама субстанция. И глубокое проникновение в ее сущность, наверно, откроет много возможностей для непосредственных контактов и обмена информацией. Тогда почему их нет? Очевидно, потому, что это не нужно и лишено смысла.

Я замолчал и посмотрел на него выжидающе.

Он тоже молчал и медленно, словно машинально, покачивал головой.

— Следует признать, что ваши рассуждения отнюдь не лишены логики, — ответил он наконец. — И несмотря на это, они весьма произвольны. Приведу один простой пример. Если, как вы говорите, возможны любые комбинации материи, то разве нельзя предположить, что существует

и такая комбинация — одна Галактика с одной человеческой цивилизацией?

— Почему же нет? — спросил я легкомысленно.

— Но тогда рушится ваша теория о непременных контактах.

Да, конечно, он был прав.

— И кроме того, — продолжал незнакомец, — не стоит приписывать всякому сознанию те качества, которые свойственны сознанию земного человека. Ведь возможно и такое сознание, которое отличается от вашего, и вы просто не заметите его, не обратите внимания. Или оно заметит вас, но окажется, что вы не находитесь в сфере его интересов. Разве вы замечаете муравьев, ползающих по вашему саду, хотя знаете, что это живые существа? И вы не стремитесь ведь чем-то помочь им?

— Но они же не разумные существа!

— А кто вам сказал? Может быть, это не столько абсолютно точный факт, сколько ваше о них представление? И, может быть, все совершенно не совпадает с вашей точкой зрения на то, что вы, люди, называете развитием? Кроме того, вы говорите о сознании вообще, в космическом масштабе, и не умеете отметить хотя бы одно постоянное и характерное его качество. Можно допустить, например, что самым существенным качеством сознания является недолговечность. Или самоуничтожение на определенном этапе развития. Тогда отпадает и ваш основной тезис о бескрайнем его совершенствовании на протяжении огромного периода времени.

— Да, вы правы, — ответил я смущенно. — Хотя сам факт вашего присутствия не говорит в пользу таких доводов.

— Я говорил сейчас не о фактах, а о вашей логике.

— Тогда я бы предпочел, чтобы мы поговорили о конкретных фактах.

Он снова покачал головой:

— К сожалению, конкретные факты мы с вами не будем обсуждать.

— Но почему? — спросил я с досадой.

— Я бы мог, конечно, вам объяснить... Но нужно, чтобы вы сами добыли свои знания. И своими собственными усилиями изменяли жизнь... Как вы не можете усвоить, что именно в этом смысле существования человека?

Голос у него был тихий, но глубокий, с каким-то странным тембром, и впервые мне пришла в голову мысль, что это не совсем человеческий голос.

— Вероятно, вы правы, — ответил я. — То, что вы сказали, я понимаю, но не могу вникнуть в сущность вашей нравственности. Ведь вот вы живете среди нас, видите

страдания, ложь, насилие, видите, как, беспомощные, отчаявшиеся, бьемся мы иногда в заколдованным круге нежеста. И в то же время хорошо знаете, как помочь укрепиться всему добруму и справедливому. Но не вмешивайтесь. Не искажает ли это смысл вашего существования?

Он взглянул на меня как-то особенно:

— Тогда вообразите себе, что в нашей нравственности намного больше разума, чем чувства.

— Трудно мне это понять, — сказал я. — Ваша цивилизация более совершенна, чем наша, — значит, ваша нравственность должна быть выше. И, вероятно, у вас вызывают ужас некоторые явления, с которыми мы свыклились. Войны, например. Представьте себе, что завтра перед нашим человечеством встанет угроза ядерного самоуничтожения. Нежели вы даже этому не помешаете?

— Нет, конечно, — твердо сказал он. — Вы обязаны сами найти выход из кризиса. Если мы вам помешаем, вы не приобретете иммунитета и впоследствии погибнете от еще более страшной катастрофы.

— Да, вывод логичный! И тем не менее я не могу его принять. Почему вы не можете избавить нас от мук, в которых мы сами не повинны? Спасите хотя бы от рака... Или от туберкулеза.

— Ведь я уже объяснил вам, — ответил он, слегка нахмурясь. — Те, кто умнее меня, решили, как следует поступать, и я не имею права ничего изменить.

Внезапно мне пришла в голову спасительная мысль:

— Тогда помогите хотя бы моему другу. Согласитесь, что один-единственный случай вмешательства не изменит исторического пути развития человеческого общества.

Он молча откинулся назад. И мне показалось, что в тот момент он заколебался.

— Нет, я не имею права! — сказал он, опять нахмурившись.

— А почему же вы помогли мне? Почему избавили меня от смерти?

— Тогда я подумал, что это несчастье случилось по моей вине. А я не имею права быть виновным.

Меня вдруг охватило чувство безнадежности, и я замолчал. Молчали мы оба. На улице уже стемнело, но в комнате было все так же светло, как днем. Странно, в ту минуту на меня это не произвело особенного впечатления.

— И все-таки вы будете соучастником в наших делах, — сказал я. — Я опишу все, что сегодня случилось.

— Ну, это не проблема, — усмехнулся он. — Я в одно мгновение мог бы стереть в вашем мозгу все, что вы собираетесь запомнить.

— И вы действительно это сделаете?

— Да нет, конечно... Пишите что хотите. Все равно никто вам не поверит...

— Не поверят отдельному слушаю, возможно, но поверят истинам, которые я выскажу.

— Эти истины давно известны людям, — ответил он. — Я не открыл вам никакой Америки.

Это были его последние слова, которые я помню. Проснулся я на рассвете одетый, в том же кресле, где сидел накануне вечером. Вернее, там, где меня усыпили. Незнакомец прикрыл меня легким одеялом и, разумеется, исчез.

Нет, я помнил все, он не посягнул на мою память. Я встал и открыл окно. Солнце еще не показалось из-за горной вершины, но весь двор передо мной был залит нежным светом. В глубине двора, словно маленькие планеты, белели хризантемы. Так тихо было, ни один лист не шелохнулся на деревьях. Бисеринки росы едва заметно переливались разными цветами. Не знаю, в каком мире живет он, но наш мир действительно прекрасен. И, может быть, в его одиночных скитаниях это было единственной ему наградой?

Несколько дней я жил словно во сне. Естественно, я работал, но все, что ложилось на бумагу, казалось мне вялым и пресным, как трава. Потом я бросил работу и принялся читать. Но и это не помогало. Наконец воскресным днем я завел машину и осторожно спустился вниз по узкой проселочной дороге. Выбравшись на шоссе, я свернул налево по направлению к санаторию, хотя как будто и не думал туда ехать. Чем быстрее сокращалось расстояние, тем сильнее росла в душе тревога, и я чувствовал, как у меня начинают дрожать колени. Но, несмотря на это, я все прибавлял скорость; машина неслась по шоссе на своих лысых, стершихся шинах. Вскоре я увидел место, где едва не произошла катастрофа, но не остановился. Я просто сгорал от какого-то внутреннего нетерпения.

Даже не помню, как добрался я наконец до санатория. Постучал в белую дверь кабинета доктора Веселинова и вошел, не ожидая приглашения. Врач сидел на своем обычном месте, разглядывая рентгеновские снимки. Он посмотрел на меня, на лице его было написано изумление:

— Это просто невероятно! — сказал он вдруг осипшим голосом.

Я почувствовал огромное облегчение, словно чужая горячая кровь растеклась по моим жилам.

— Невероятно? А что именно?

— Ваш друг выздоровел.

— Как это выздоровел? — Я лицемерно изобразил удивление.

— А вот так. По-настоящему, абсолютно выздоровел. Вот его снимки — словно бы он никогда и не болел. Его легкие полностью обновились.

Я не стал смотреть снимки, мне незачем было их смотреть.

— Не может быть! — сказал я. — Наверно, просто перепутали снимки.

— Как, то есть, «не может быть»? — ответил он раздраженно. — Это факт! Перед вами уже вторые снимки, все было сделано под моим личным контролем.

Я счел благоразумным промолчать. Во взгляде доктора по-прежнему сквозило недоумение, он глуповато хлопал выгоревшими ресницами.

— Я сделаю завтра научное сообщение! — воскликнул он. — Мои коллеги будут потрясены!

— Не стоит делать никакого сообщения, — усмехнулся я.

— Почему? — удивился он.

— Потому что это невозможно обосновать научно. Вы просто сообщите об одном факте, которому не сможете дать научного объяснения.

Он нахмурился, но промолчал.

— И во-вторых, что очень важно, поймите, вам никто не поверит.

— Ну почему не поверят? — вспылил он. — Ведь есть же снимки!

— Снимки, снимки... Чепуха! Вы ведь видели по крайней мере двадцать снимков летающих блюдцев, но не поверили?

— Да, но... существует этот выздоровевший человек...

— Смею утверждать, что и это вам не поможет...

— Вы что, не верите? — спросил он резко.

— Я-то, конечно, верю. Но другие не поверят. Вы научный работник, разве вы сами не понимаете? Это невозможно. Все ваши коллеги подумают, что вы или сумасшедший, или мошенник. Второе представится более вероятным, но и более печальным.

Теперь он перестал моргать, как будто прозрел. Незаметно, молча наблюдал я, как мучительно он размышляет, его здоровый, свежий ум просто разрывался там, в черепной коробке!

— А знаете что, ведь вы совершенно правы, — наконец произнес он с облегчением. — Конечно же, единственный факт — это еще не доказательство...

— А где он?

— Кто? — спросил он рассеянно.

— Мой друг.

— Встал, естественно. Понемногу гуляет в парке.

Всего несколько шагов отделяли меня от раскрытоого ок-

на. Я сразу же увидел его — он стоял возле декоративного куста и держал в руках что-то белое, похожее издали на птичье яйцо. Он рассматривал предмет сосредоточенно, время от времени проводя по нему ногтем.

— Что ты там делаешь? — окликнул я его.

Он вздрогнул и обернулся. Лицо его неузнаваемо изменилось, оно не было похоже на лицо того человека, которого я навещал несколько дней назад.

— Ничего, — ответил он смущенно.

— А что ты держишь в руке?

— Улитку...

— Сейчас же положи ее обратно, — сказал я раздраженно.

— Слышишь?

— Почему?

— Потому что я тебе говорю!.. Идем, быстро!

Он не стал спорить, повернулся и начал бережно устраивать улитку на веточке. Но когда он отнял руку, она сорвалась и упала. Он нагнулся и поднял ее с земли.

СМЕРТЬ В ДОМЕ

Когда Старый Мозе Абрамс бродил по лесу, разыскивая коров, он нашел пришельца. Мозе не знал, что это пришелец, но перед ним было живое страдающее существо, а Старый Мозе, несмотря на все рассказы соседей, был не из тех, кто может кинуть в лесу раненого.

На вид это было ужасное создание — зеленое, блестящее, с фиолетовыми пятнами, и оно внушало отвращение даже на расстоянии в двадцать футов: оно воняло.

Оно заползло, вернее пыталось заползти, в заросли орешника, но у него ничего не получилось: верхняя часть его тела находилась в кустах, а обнаженное туловище лежало на поляне. Его конечности — видимо, руки — время от времени слегка скребли по земле, стараясь подтянуть тело поглубже в кусты, но существо слишком ослабело; оно больше не продвинулось ни на дюйм. И стонало оно, но не очень громко — точь-в-точь как одинокий ветер, тоскливо воющий под широким карнизом. Однако в его стоны слышалось нечто большее, чем вой зимнего ветра, в нем звучали такое отчаяние и страх, что у Старого Мозе на голове волосы стали дыбом.

Старый Мозе довольно долго размышлял над тем, что ему делать с существом, а потом еще какое-то время набирался храбрости, между тем как большинство людей, не задумываясь, признали бы, что храбрости у него было хоть отбавляй. Впрочем, в подобной ситуации одной только заурядной храбрости было недостаточно. Тут нужна была храбрость безрассудная.

Но перед ним лежало дикое, раненое существо, и он не мог его там оставить, поэтому Мозе приблизился к нему, опустился рядом с ним на колени, и хотя на существо было тяжко смотреть, в его отталкивающем безобразии таилось какое-то неизъяснимое обаяние — словно оно притягивало к себе именно потому, что было настолько отвратительно. И от него исходило совершенно ужасное, ни с чем не сравнимое зловоние.

Однако Мозе не был неженкой. В округе он отнюдь не славился своей привередливостью. С тех пор как около де-

сяти лет назад умерла его жена, он жил в полном одиночестве на своей запущенной ферме, и его методы ведения хозяйства служили пищей для злословия окрестных кумушек. Раз в год, если у него доходили руки, он выгребал из дома груды мусора, но остальное время уже ни к чему не притрагивался.

Поэтому исходивший от существа запах смущил его меньше, чем того можно было ожидать, окажись на его месте кто-либо другой. Но зато Мозе смущил его вид, и он не сразу решился прикоснуться к нему, а когда, собравшись наконец с духом, сделал это, то очень удивился. Он ожидал, что существо окажется либо холодным, либо скользким, а может быть, и тем и другим одновременно. Но он ошибся. Оно было на ощупь теплым, твердым и чистым — Мозе словно прикоснулся к зеленому стеблю кукурузы.

Просунув под раненого руку, он осторожно вытащил его из зарослей орешника и перевернул на спину, чтобы взглянуть на его лицо. Лица у него не было. Верхняя часть туловища кончалась утолщением, как стебель цветком, хотя тело существа вовсе не было стеблем, а вокруг этого утолщения росла бахрома щупалец, которые извивались, точно черви в консервной банке. И тут-то Мозе чуть было не повернулся и не бросился бежать.

Но он выдержал.

Он сидел на корточках, уставившись на эту безликость с бахромой из червей; он похолодел, страх сковал его и вызвал приступ тошноты, а когда ему почудилось, что жалобный вой издают черви, ему стало еще страшнее.

Мозе был упрям. Только упрямый человек мог тащить на себе такую жалкую ферму. Упрямый и ко многому равнодушный. Но, конечно, не к страдающему живому существу.

Наконец, пересилив себя, он поднял его на руки, и в этом не было ничего особенного, потому что существо весило мало. Меньше, чем трехмесячный поросенок, прикинул Мозе.

С существом на руках он стал взбираться по лесной тропинке наверх, к дому, и ему показалось, что запах стал слабее. Страх его почти прошел, холод больше не сковывал его тела.

Потому что существо теперь несколько успокоилось и выло значительно тише. И хотя Мозе не был в этом уверен, ему казалось, будто оно прижимается к нему, как прижимается к взрослому испуганный и голодный ребенок, когда тот берет его на руки.

Старый Мозе вышел к постройкам и немного постоял во дворе, соображая, куда ему отнести существо — в дом или в сарай. Ясно, что сарай был самым подходящим для него

местом, ведь существо не было человеком — даже в собаке, или кошке, или больном ягненке было больше человеческого, чем в нем.

Однако колебался он недолго. Он внес его в дом и положил в кухне около плиты на то подобие ложа, которое он называл кроватью. Он аккуратно и бережно расправил существо, накрыл его грязным одеялом и, подойдя к плите, принялся раздувать огонь, пока не вспыхнуло пламя.

Тогда он придинул к кровати стул и принялся внимательно, с глубоким интересом разглядывать свою находку. Существо уже почти совсем утихло и казалось гораздо спокойнее, чем в лесу. Он с такой нежностью подоткнул его со всех сторон одеялом, что и сам удивился. Ему захотелось узнать, какие из его приспособов годились бы существу в пищу, впрочем, даже если бы он знал это, неизвестно, как бы он смог покормить существо, ведь у того, видимо, не было рта.

— Но тебе не о чем беспокоиться, — сказал он. — Раз уж я принес тебя в дом, все будет в порядке. Хоть я и не больно-то в этом разбираюсь, но все, что мне по силам, я для тебя сделаю.

День уже клонился к вечеру, и, выглянув в окно, он увидел, что коровы, которых он давеча искал, вернулись домой сами.

— Мне нужно подогреть коров и еще кое-что поделать по хозяйству, — сказал он существу, лежащему на кровати. — Но это недолго. Я скоро вернусь.

Старый Мозе подбросил в плиту дров, чтобы в кухне было тепло, еще раз заботливо подоткнул одеяло, взял ведра для молока и пошел в сарай.

Он покормил овец, свиней и лошадей и подоил коров. Собрал яйца и запер курятник. Накачал бак воды.

Потом он вернулся в дом.

Уже стемнело, и Мозе зажег стоявшую на столе керосиновую лампу, потому что он был против электричества. Он отказался дать свою подпись, когда Периферийная Электрическая Компания проводила здесь линию, и многие соседи обиделись на него за то, что он откололся. Это его, понятно, нисколько не тронуло.

Он взглянул на лежавшее в постели существо. Судя по виду, оно вроде бы находилось в прежнем состоянии. Будь это больной ягненок или теленок, Мозе сразу смекнул бы, хуже ему или лучше, но это существо было совсем иным. Тут он был бессилен.

Он приготовил себе немудреный ужин, поел и опять задумался над тем, как бы покормить существо и как ему помочь. Он принес его в дом, согрел его, но что ли было нуж-

но подобному существу или следовало сделать для него что-то другое — он не знал.

Мозе было подумал, не обратиться ли к кому-нибудь за помощью, но от одной мысли, что придется просить о помощи, даже не зная, в чем она должна заключаться, ему стало тошно. Потом он представил себе, каково было бы ему самому, если бы, измученный и больной, он очутился в неведомом далеком краю и никто не мог бы ему помочь из-за того, что там не знали бы, что он такое.

Это заставило его наконец решиться, и он направился к телефону. Но кого ему следует вызвать, доктора или ветеринара? Он остановился на докторе, потому что существо находилось в доме. Если бы оно лежало в сарае, он позвонил бы ветеринару.

Это была местная телефонная линия, и слышимость никуда не годилась, а поскольку к тому же сам Мозе был туговат на ухо, он пользовался телефоном довольно редко. Временами он говорил себе, что телефон не лучше других новшеств, которые только портят людям жизнь, и десятки раз грозился выбросить его. Но теперь он был рад, что не сделал этого.

Телефонистка соединила его с доктором Бенсоном, и оба они не очень-то хорошо слышали друг друга, но Мозе все-таки удалось объяснить доктору, кто звонит и что ему нужна его помощь, и доктор обещал приехать.

С некоторым облегчением Мозе повесил трубку и посторяя немного просто так, ничего не делая, как вдруг его поразила мысль, что в лесу могут быть другие такие же существа. Он понятия не имел, кто они, что они могут здесь делать, куда держат путь, но было совершенно очевидно, что тот, на кровати, был каким-то чужестранцем, прибывшим из очень далеких мест. И разум подсказывал, что таких, как он, может быть несколько, ведь в дальней дороге одиноко, и любой человек — или любое другое живое существо — предпочтет путешествовать в компании.

Он снял с крючка фонарь и, тяжело ступая, вышел за дверь.

Ночь была темна, как тысяча черных кошек, и фонарь светил очень слабо, но для Мозе это не имело никакого значения, потому что он знал свою ферму как собственные пять пальцев.

Он спустился по тропинке к лесу. Сейчас здесь было жутко, но одного ночного леса было мало, чтобы испугать Старого Мозе. Продираясь сквозь кустарник и высоко подняв фонарь, чтобы осветить площадь побольше, он осмотрел то место, где нашел существо, но там никого не оказалось.

Однако он нашел кое-что другое — нечто вроде огромной птичьей клетки, сплетенной из металлических прутьев, которая запуталась в густом кусте орешника. Он попытался вытащить ее, но она так прочно застряла в ветвях, что не сдвинулась с места.

Он огляделся вокруг, чтобы понять, откуда она попала сюда.

Ему удалось увидеть наверху сломанные ветви деревьев, через которые она пробила себе дорогу, а за ними в вышине холодно сияли звезды, казавшиеся очень далекими.

Мозе ни на минуту не усомнился в том, что существо, лежавшее сейчас на его постели около плиты, явилось сюда в этом невиданном плетеном сооружении. Он немного подивился этому, но не стал особенно вдумываться, ведь вся эта история казалась настолько сверхъестественной, что он сознавал, как мало у него было шансов найти ей какое-нибудь разумное объяснение.

Он пошел назад к дому, и, едва он успел задуть фонарь и повесить его на место, как послышался шум подъезжающей машины.

Когда доктор подошел к двери, он несколько рассердился, увидев стоящего на пороге Старого Мозе.

— Вы что-то не похожи на больного, — сварливо произнес он. — Пожалуй, не так уж вы больны, чтобы нужно было оттащить меня сюда посреди ночи.

— А я и не болен, — сказал Мозе.

— Тогда зачем вы мне звонили? — рассердившись еще больше, спросил доктор.

— У меня в доме кое-кто заболел, — ответил Мозе. — Надеюсь, вы сумеете ему помочь. Я бы сам попробовал, да не знаю как.

Доктор вошел, и Мозе закрыл за ним дверь.

— У вас тут что-нибудь протухло? — спросил доктор.

— Нет, это он так воняет. Сперва было совсем худо, но теперь я уже немного привык.

Доктор заметил на кровати существо и направился к нему. Старый Мозе услышал, как доктор словно бы захлебнулся, и увидел, что он, напряженно вытянувшись, замер на месте. Потом доктор нагнулся и стал внимательно рассматривать лежавшее перед ним существо.

Когда он выпрямился и повернулся к Мозе, только безграничное изумление помешало ему в тот момент окончательно выйти из себя.

— Мозе, — взвизгнул он, — что это такое?

— Сам не знаю, — сказал Мозе. — Я нашел его в лесу, ему было плохо, оно стонало, и я не смог его там оставить.

— Вы считаете, что оно болеет?

— Я знаю это, — сказал Мозе. — Ему немедля нужно помочь. Боюсь, что оно умирает.

Доктор снова повернулся к кровати, откинулся на спинку и пошел за лампой, чтобы получше рассмотреть его. Он оглядел существо со всех сторон, боязливо потыкал его пальцем и издал языком тот таинственный звук, который умеют делать одни лишь доктора.

Потом он снова прикрыл существо одеялом и отнес на стол лампу.

— Мозе, — произнес он, — я ничего не могу для него сделать.

— Но ведь вы же доктор!

— Я лечу людей, Мозе. Мне не известно, что это за существо, но это не человек. Я даже приблизительно не могу определить, что с ним, если вообще у него что-нибудь не в порядке. А если бы мне все-таки удалось поставить диагноз, я не знал бы, как его лечить, не причиняя вреда. Я даже не уверен, что это животное. Многое в нем говорит за то, что это растение.

Потом доктор спросил Мозе, где он нашел существо, и Мозе рассказал, как все это произошло. Но он ни словом не обмолвился про клетку, потому что сама мысль о ней казалась настолько фантастической, что у него просто язык не повернулся рассказать о ней. Достаточно того, что он вообще нашел это существо и принес его в дом, так что незачем было совать сюда еще и клетку.

— Вот что я вам скажу, — произнес доктор. — Это ваше существо не известно ни одной из земных наук. Сомневаюсь, видели ли когда-нибудь на Земле что-либо подобное. Лично я не знаю, что оно из себя представляет, и не собираюсь ломать над этим голову. На вашем месте я связался бы с Мэдисонским университетом. Может, там кто-нибудь и сообразит, что это такое. В любом случае им будет интересно ознакомиться с ним. Они непременно захотят его исследовать.

Мозе подошел к буфету, достал коробку из-под сигар, почти доверху наполненную серебряными долларами, и расплатился с доктором. Добродушно подшучивая над его чудачеством, доктор опустил монеты в карман.

Но Мозе с редким упрямством держался за свои серебряные доллары. «В бумажных деньгах есть что-то незаконное, — заявлял он. — Мне нравится трогать серебро и слушать, как оно позвякивает. В нем чувствуется сила».

Вопреки опасениям Мозе судя по всему доктор уехал не в таком уж плохом настроении. После его ухода Мозе пододвинул к кровати стул и сел.

До чего же несправедливо, подумал он, что нет никого,

кто бы мог помочь такому больному существу — никого, кто знал бы хоть какое-нибудь средство.

Он сидел и слушал, как в тишине кухни громко тикают часы и потрескивают в плите дрова. .

Он смотрел на лежавшее в постели существо, и в нем внезапно вспыхнула почти безумная надежда на то, что оно выздоровеет и будет жить с ним. Теперь, когда его клетка так покорежена, ему волей-неволей придется оставаться. И Мозе надеялся, что так оно и будет, ведь уже теперь в доме не чувствовалось прежнего одиночества.

Сидя на стуле между плитой и кроватью, Мозе вдруг понял, как здесь раньше было одиноко. Пока не умер Тоусер, было еще не так плохо. Он попробовал заставить себя взять другую собаку, но не смог. Потому что не было на свете собаки, которая могла бы заменить Тоусера, и даже сама попытка найти другого пса казалась ему предательством. Он, конечно, мог бы взять кошку, но тогда он стал бы слишком часто вспоминать Молли: она очень любила этих животных, и до самой ее смерти в доме всегда путались под ногами две-три кошки.

А теперь он остался один. Один на один со своей фермой, своим упрямством и серебряными долярами. Доктор, как и все остальные, считал, что, кроме как в стоявшей в буфете коробке из-под сигар, у Мозе больше серебра не было. Ни одна живая душа не знала о существовании старого железного котелка, доверху набитого монетами, который он спрятал под досками пола в гостиной. При мысли о том, как он их всех провел, Мозе хихикнул. Он много бы отдал, чтобы посмотреть на лица соседей, если бы им удалось пронюхать об этом. Сам-то он им никогда не скажет. Если уж им суждено узнать, как-нибудь обойдется без него.

Он сидел, клюя носом, и в конце концов так и заснул на стуле, с опущенным на грудь подбородком, обхватив себя скрещенными руками, словно хотел подольше сохранить тепло.

Когда он проснулся, в предрассветном мраке слабо мерцала на столе лампа, догорали в плите дрова, а пришелец был мертв.

Его смерть не вызывала сомнений. Существо похолодело и вытянулось, а поверхность его тела стала жесткой и уже начала засыхать — как с концом роста засыхает под ветром в поле стебель кукурузы.

Мозе прикрыл его одеялом и, хотя было еще рано начинать обычную работу по ферме, он вышел и сделал все, что нужно, при свете фонаря.

После завтрака он согрел воды, умылся и побрился — и это впервые за много лет он брился не в воскресенье.

Потом он надел свой единственный приличный костюм, пригладил волосы, вывел из гаража старый, полуразвалившийся автомобиль и поехал в город.

Он отыскал Эба Денисона, городского клерка, который был одновременно секретарем кладбищенской ассоциации.

— Эб, — сказал Мозе, — я хочу купить участок земли на кладбище.

— Но у вас же есть участок, — запротестовал Эб.

— Так то семейный участок, — возразил Мозе. — Там хватит места только для меня и Молли.

— А зачем же вам еще один? — спросил Эб.

— Я нашел кое-кого в лесу, — сказал Мозе. — Я принес его домой, и прошлой ночью он умер. Я хочу похоронить его.

— Если вы нашли в лесу покойника, вам надо бы сообщить об этом следователю или шерифу, — предостерег Эб.

— Все в свое время, — сказал Мозе, и не думая этого делать. — Так как же насчет участка?

И, сняв с себя всю ответственность за эту историю, Эб продал ему место на кладбище.

Купив участок, Мозе отправился в похоронное бюро Альберта Джонсона.

— Эл, — сказал он, — мой дом посетила смерть. Покойник не из здешних мест, я нашел его в лесу. Не похоже, чтобы у него были родственники, и я должен позаботиться о похоронах.

— А у вас есть свидетельство о смерти? — спросил Эл, который не утруждал себя лицемерной деликатностью, свойственной большинству служащих похоронного бюро.

— Нет, у меня его нет.

— Вы обращались к врачу?

— Прошлой ночью заезжал док Бенсон.

— Он должен был выдать вам свидетельство. Придется ему позвонить.

Он соединился с доктором Бенсоном и, потолковав с ним немного, стал красным как рак.

Наконец он хлопнул раздраженно трубкой и повернулся к Мозе.

— Мне не известно, что вы там пытаетесь провернуть, — злобно набросился он на Мозе, — но док говорит, что этот ваш покойник вовсе не человек. Я не занимаюсь погребением кошек, или собак, или...

— Это не кошка и не собака.

— Плевать я хотел на то, что это такое. Для того чтобы я взялся за устройство похорон, мне нужен человек. Кстати, не вздумайте закопать его на кладбище, это незаконно.

Сильно упав духом, Мозе вышел из похоронного бюро

и медленно заковылял на холм, на котором стояла единственная в городке церковь.

Он нашел пастора в кабинете, где тот трудился над проповедью. Мозе присел на стул, беспокойно вертя в искалеченных работой руках свою изрядно поношенную шляпу.

— Пастор, — произнес он, — я хочу рассказать вам все, как было, с начала до конца. — И он рассказал. — Я не знаю, что это за существо, — добавил он. — Сдается мне, что этого не знает никто. Но оно скончалось, и его нужно похоронить честь по чести, а у меня с этим ничего не получается. Мне нельзя похоронить его на кладбище, и придется, видно, подыскивать для него местечко на ферме. Вот я и думаю, не согласились бы вы приехать, чтобы сказать пару слов над могилой.

Пастор погрузился в глубокое раздумье.

— Мне очень жаль, Мозе, — произнес наконец он. — Думаю, что это невозможно. Я далеко не уверен в том, что церковь одобрят подобный поступок.

— Пусть это не человеческое существо, — сказал Старый Мозе, — но ведь оно тоже тварь божья.

Пастор еще немного подумал и даже высказал кое-какие соображения вслух, но в результате все-таки пришел к выводу, что не может этого сделать.

Мозе спустился по улице к тому месту, где он оставил свою машину, и поехал домой, по дороге размышляя о том, какие же попадаются среди людей скоты.

Вернувшись на ферму, он взял кирку и лопату, вышел в сад и там, в углу, вырыл могилу. Потом он отправился в гараж за досками, чтобы сколотить для существа гроб, но оказалось, что последние доски он уже употребил на починку свинарника.

Мозе вернулся в дом и в поисках простыни, которую за неимением гроба он хотел использовать вместо савана, перерыл комод, стоявший в одной из уже много лет пустующих задних комнат. Простыни он не нашел, но зато выкопал старую белую льняную скатерть. Он решил, что сойдет и это, и отнес ее на кухню.

Он откинул одеяло, взглянул на мертвое существо, и у него словно комок подкатил к горлу — он представил, в каком тот умер одиночестве и в какой дали от родины, и в его последний час не было рядом с ним ни одного его соплеменника. И оно было совершенно голым, ни клочка одежды, ни вещей, ничего, что оно могло бы оставить после себя на память.

Он расстелил скатерть на полу возле кровати, поднял существо на руки и положил его на нее. И в этот момент он заметил на его теле карман — если это было карманом, —

нечто вроде щели с клапаном в самом центре той части тела, которая могла быть его грудью. Он провел сверху рукой по карману. В нем прощупывалось что-то твердое. Он долго сидел на корточках около трупа, не зная, как ему быть.

Наконец он просунул в щель пальцы и вытащил находившийся в кармане предмет. Это был шарик, чуть побольше теннисного мяча, сделанный из дымчатого стекла или из какого-то похожего на стекло материала. Все еще сидя на корточках, он долго глядел на этот шарик, потом встал и пошел к окну, чтобы получше рассмотреть его.

В шарике не было ничего особенного. Это был обыкновенный шарик из дымчатого стекла, на ощупь такой же шершавый и мертвый, как само тело существа.

Он покачал головой, отнес шарик обратно и, положив туда, где нашел его, осторожно завернул труп в скатерть. Он вынес его в сад и опустил в яму. Торжественно став в головах у могилы, он произнес несколько приличествующих слухаю слов и закидал могилу землей.

Сперва он собирался насыпать над могилой холмик и поставить крест, но в последнюю минуту передумал. Ведь теперь поналезут любопытные. Молва облетит всю округу, и эти типы будут приезжать сюда и искать могилу, в которой он похоронил найденное в лесу существо. И чтобы скрыть место, где он зарыл его, придется обойтись без холмика и без креста. А может, это и к лучшему, сказал он себе. Что смог бы он написать или вырезать на кресте?

К этому времени уже перевалило за полдень, и он проголодался, но не стал прерывать работу, чтобы поесть, потому что еще не все сделал. Он отправился на луг, поймал Бесс, запряг ее в телегу и спустился в лес.

Он привязал Бесс к застрявшей в кустах клетке, и она вытащила ее оттуда наилучшим образом. Потом он погрузил клетку на телегу, привез на холм, затащил в гараж и спрятал в самом дальнем углу около горна.

Покончив с этим, он впряжен Бесс в плуг и перепахал весь сад, хотя в этом не было необходимости. Но зато теперь везде была свежевспаханная земля, и никому не удалось бы обнаружить место, где он вырыл могилу.

И как раз тогда, когда он уже кончал пахать, подкатила машина и из нее вылез шериф Дойли. Шериф был человеком весьма сладкоречивым, но не из тех, кто любит тянуть волынку. Он сразу приступил к делу.

— Я слышал, — сказал он, — что вы нашли кое-что в лесу.

— Так оно и есть, — согласился Мозе.

— Говорят, будто бы это существо умерло в вашем доме.

— Шериф, вы не ослышались.

— Мозе, мне хотелось бы взглянуть на него.

— Ничего не выйдет. Я похоронил его. И не скажу где.

— Мозе, — сказал шериф, — мне не хочется причинять вам неприятности, но вы нарушили закон. Нельзя же подбирать в лесу людей и безо всякого закапывать их, когда им вдруг вздумается умереть в вашем доме.

— Вы говорили с доком Бенсоном?

Шериф кивнул:

— Он сказал, что ничего подобного никогда не видел раньше. Что это был не человек.

— Ну, тогда, — произнес Мозе, — мне кажется, что вам тут делать нечего. Если это был не человек, то не совершено никакого преступления против личности. А если существо никому не принадлежало, здесь нет и преступления против собственности. Ведь никто пока что не заявлял на него свои права, верно?

Шериф поскреб подбородок:

— Никто. Пожалуй, это и так. А где это вы изучали законы?

— Я никогда не изучал никаких законов. Я вообще никогда ничего не изучал. Я просто здраво рассуждаю.

— Док что-то толковал про ученых из университета — будто они могут захотеть взглянуть на него.

— Вот что, шериф, — сказал Мозе. — Это существо откуда-то явилось сюда и умерло. Не знаю, откуда оно пришло и что это было такое, да и знать не желаю. Для меня это было просто живое существо, которое очень нуждалось в помощи. У живого у него было свое достоинство, а умерев, оно потребовало к себе какого-то уважения. Когда все вы отказались похоронить его как положено, я сам сделал все, что в моих силах. Больше мне сказать нечего.

— Ладно, Мозе, — произнес шериф, — пусть будет повышему.

Он повернулся и прошествовал к машине. Стоя около запряженной в плуг старой Бесс, Мозе смотрел ему вслед. Пренебрегая правилами, шериф повел машину на большой скорости, и было похоже, что он не на шутку рассердился.

Когда Мозе убрал на место плуг и отвел лошадь на пастбище, подоспело время вечерних работ.

Управившись с хозяйственными делами, он приготовил себе ужин, поел и уселся около плиты, слушая, как в тишине дома громко тикают часы и потрескивает огонь.

Всю ночь напролет в доме было одиноко.

На следующий день после полудня, когда он пахал поле под кукурузу, приехал репортер и, дойдя рядом с Мозе до конца борозды, завел разговор. Этот репортер не очень-то понравился Старому Мозе. Слишком уж нахально он вел

себя и задавал какие-то дурацкие вопросы. Поэтому Мозе прикусил язык и мало что сказал ему.

Через несколько дней появился какой-то человек из университета и показал Мозе статью, которую написал репортер, вернувшись с фермы. Статья высмеивала Мозе.

— Я очень сожалею, — сказал профессор. — Эти газетчики — народ безответственный. Я бы не стал слишком принимать к сердцу то, что они пишут.

— А мне все равно, — сказал Мозе.

Человек из университета забросал его вопросами и особо подчеркнул, как для него важно взглянуть на труп существа.

Но Мозе только покачал головой.

— Оно покоится в мире, — сказал он. — Я не потревожу его.

И человек, негодуя, впрочем вполне сохранив достоинство, удалился.

В течение нескольких дней мимо проезжали какие-то люди, любопытные бездельники заглядывали на ферму, появился и кое-кто из соседей, которых Мозе не видел уже несколько месяцев. Но разговор у него со всеми был короткий, так что вскоре они оставили его в покое, и он продолжал обрабатывать свою землю, а в доме по-прежнему было одиноко.

Он было снова подумал, не взять ли ему собаку, но, вспомнив Тоусера, так и не решился.

Однажды, работая в саду, он обнаружил, что из земли над могилой показалось какое-то растение. Оно выглядело очень странно, и первым побуждением Мозе было вырвать его.

Однако он передумал, потому что растение заинтересовало его. Он никогда ничего подобного не видел и решил дать ему хотя бы немного подрасти и посмотреть, что это такое. Это было плотное мясистое растение с толстыми темно зелеными закрученными листьями, и оно чем-то напомнило ему заячью капусту, которая появлялась в лесу с наступлением весны.

Приезжал еще один посетитель, самый из них чудной. Это был темноволосый мужчина, который заявил, что является президентом клуба летающих тарелок. Он поинтересовался, разговаривал ли Мозе с найденным им в лесу существом и, по всей видимости, был ужасно разочарован, когда Мозе ответил отрицательно. Затем он спросил, не нашел ли часом Мозе аппарат, в котором существо могло путешествовать, и в ответ на это Мозе солгал. Видя, в каком тот находится исступлении, Мозе испугался, что ему может прийти в голову обыскать ферму, а тогда он наверняка найдет

клетку, спрятанную в дальнем углу гаража возле горна. Но вместо этого незнакомец пустился в пространные рассуждения о вреде утаивания жизненно важных сведений.

Почерпнув из этой лекции все, что можно, Мозе вошел в дом и достал из-за двери дробовик. Президент клуба летающих тарелок поспешил распрошался и отбыл восьмьми.

Жизнь на ферме шла своим чередом, приостановилась работа на кукурузном поле и начался покос, а в саду тем временем продолжало расти неведомое растение, которое теперь стало принимать определенную форму. Старый Мозе не поверил своим глазам, разглядев однажды, какие оно принимает очертания, и простоявал долгие вечерние часы в саду, рассматривая растение и спрашивая себя, не выживает ли он из ума от одиночества.

В одно прекрасное утро он увидел, что растение ждет его у двери. Ему, конечно, полагалось бы удивиться, на самом же деле этого не произошло, потому что он жил рядом с растением, вечерами смотрел на него, и хотя он даже самому себе не осмеливался признаться, в глубине души он сознавал, что это было такое.

Ведь перед ним стояло существо, которое он нашел в лесу, но уже не больное и жалобно стонущее, уже не умирающее, а молодое и полное жизни.

Но все же оно было не совсем таким, как прежде. Мозе стоял, всматриваясь в существо, и видел те едва уловимые новые черты, которые можно было бы объяснить разницей между стариком и юношой, либо между отцом и сыном, либо отнести за счет изменения эволюционной модели.

— Доброе утро, — сказал Мозе, не чувствуя ничего необычного в том, что заговорил с ним. — Я рад, что ты вернулся.

Стоявшее во дворе существо не ответило ему. Но это не имело никакого значения: Мозе и не ждал, что оно отзовется. Значение имело только то, что ему теперь было с кем разговаривать.

— Я ухожу, мне нужно сделать кое-какую работу по хозяйству, — сказал Мозе. — Если хочешь, пойдем вместе.

Оно брело за ним по пятам, наблюдая, как он хозяйствует, и Мозе беседовал с ним, что было несравненно приятнее, чем беседовать с самим собой.

За завтраком он поставил ему отдельную тарелку и пододвинул к столу еще один стул, но оказалось, что существо не могло воспользоваться стулом, так как его тело не сгибалось.

И оно не ело. Сперва это огорчило Мозе, ибо он был гостеприимным хозяином, но потом он решил, что такой рос-

лый и сильный юнец соображает достаточно, чтобы самому позаботиться о себе, и что ему, Мозе, видимо, не стоит особенно беспокоиться об удовлетворении его жизненных потребностей.

После завтрака они с существом вышли в сад, и, как того и следовало ожидать, растения там уже не было. На земле лежала лишь опавшая сморщенная оболочка, тот внешний покров, что служил стоявшему рядом с ним существу колыбелью.

Оттуда Мозе отправился в гараж, и существо, увидев клетку, стремительно бросилось к ней и принялось ее тщательно осматривать. Потом оно повернулось к Мозе и словно бы сделало умоляющий жест.

Мозе подошел к клетке, взялся руками за один из гнутых прутьев, а существо, стоявшее рядом, тоже схватило конечностями этот же прут, и они вместе начали распрямлять его. Но безуспешно. Им, правда, удалось чуточку разогнуть его, но этого было недостаточно, чтобы вернуть пруту первоначальную форму.

Они стояли и смотрели друг на друга, хотя слово «смотрели» вряд ли подходило для этого случая, поскольку у существа не было глаз и смотреть ему было нечем. Оно как-то непонятно двигало конечностями, и Мозе никак не мог уразуметь, что ему нужно. Потом существо легло на пол и показало ему, как прутья клетки прикреплялись к ее основанию.

Хотя Мозе через некоторое время и сообразил, как действует механизм крепления, он так до конца и не понял его принцип. И в самом деле, невозможно было объяснить, почему он действовал именно таким образом.

Вначале нужно было нажать на прут с определенной силой, прикладывая ее под точно определенным углом, и прут слегка поддавался. Затем следовало снова нажать на него, опять-таки прикладывая строго определенное количество силы под нужным углом, и прут поддавался еще немного. Это делалось трижды, и в результате прут отсоединялся от клетки, хотя, видит бог, ничем нельзя было объяснить, почему это так получается.

Мозе развел в горне огонь, подбросил угля и принял раздувать огонь мехами, а существо неотрывно следило за его действиями. Но когда он взял прут, собираясь сунуть его в огонь, стало между ним и горном и не подпускало его к огню. Тогда Мозе понял, что нельзя было — или не полагалось — нагревать прут перед тем, как распрямлять его, и, не задумываясь, принял это как должное. Ведь существо наверняка лучше знает, как это следует делать, сказал он себе.

И, обойдясь без огня, он отнес холодный прут на наковальню и начал выпрямлять его ударами молота, а существо в это время пыталось показать ему, какую нужно придать форму пруту. Эта работа заняла довольно много времени, но в результате прут был распрямлен именно так, как того желало существо.

Мозе казалось, что им придется немало повозиться, пока они вставят прут обратно, но прут мгновенно скользнул на место.

Потом они вытащили другой прут, и теперь дело пошло быстрее, потому что у Мозе уже появилась сноровка.

Но это был тяжелый и изнурительный труд. Они работали до вечера и распрямили только пять прутьев.

Потребовалось целых четыре дня, чтобы распрямить молотом прутья клетки, и все это время трава оставалась некошеной.

Однако Мозе нисколько не тревожился. У него теперь было с кем поговорить, и его дом покинуло одиночество.

Когда они вставили прутья на место, существо проскользнуло в клетку и занялось какой-то диковинной штукой, прикрепленной к потолку, которая своим видом напоминала корзинку сложного плетения. Наблюдая за ним, Мозе решил, что корзинка была чем-то вроде панели управления.

Существо явно расстроилось. Разыскивая что-то, оно обошло весь гараж, но, как видно, его поиски не увенчались успехом. Оно вернулось к Мозе, и в его жестах опять были отчаяние и мольба. Мозе показал ему железо и сталь; порывшись в картонке, где он держал гвозди, зажимы, втулки, кусочки металла и прочий хлам, он извлек из нее латунь, медь и даже кусок алюминия, но существу нужно было не это.

И Мозе обрадовался — ему было немного стыдно за это чувство, но тем не менее он обрадовался.

Потому что он понимал, что, когда клетка будет исправлена, существо покинет его. По своей природе он просто не мог помешать существучинить клетку или отказать ему в помощи. Но сейчас, когда оказалось, что починить клетку, видимо, невозможно, он почувствовал, что очень этому рад.

Теперь существу придется остаться с ним, и ему будет с кем разговаривать, а в его доме больше не будет так одиночко. Как было бы чудесно, подумал он, снова иметь кого-то рядом. А это существо было почти таким же хорошим товарищем, как Тоусер.

На следующее утро, когда Мозе готовил завтрак, он потянулся на верхнюю полку буфета за овсянкой, задел рукой коробку из-под сигар, и она полетела на пол. Она упала на

бок, крышка раскрылась, и доллары раскатились по всей кухне.

Уголком глаза Мозе видел, как существо кинулось за одним из них в погоню. Схватив монету и не выпуская ее, оно повернулось к Мозе, и из клубка червей на его макушке послышалось какое-то дребезжание.

Оно нагнулось, сгребло еще несколько монет и, прижав их к себе, исполнило нечто вроде джиги, и сердце Мозе упало, когда вдруг до него дошло, что существо так настойчиво искало именно серебро.

И Мозе опустился на четвереньки и помог существу собрать остальные доллары. Они сложили их обратно в коробку из-под сигар, и Мозе, взял коробку, отдал ее существу.

Оно приняло коробку, взвесило ее на руке и, судя по его виду, огорчилось. Оно высыпало доллары на стол и разложило их аккуратными столбиками, и Мозе видел, как оно глубоко разочаровано.

А вдруг существо искало вовсе не серебро, подумал Мозе. Быть может, оно ошибалось, приняв серебро за какой-нибудь другой металл.

Мозе достал овсянку, насыпал ее в кастрюлю с водой и поставил кастрюлю на плиту. Когда каша была готова и сварился кофе, он отнес еду на стол и сел завтракать.

Существо все еще стояло по другую сторону стола, то так, то сяк перестраивая столбики из серебряных долларов. И теперь, подняв над этими столбиками конечность, оно дало понять, что ему нужны еще монеты. Вот столько столбиков, показало оно, и каждый столбик должен быть вот такой высоты.

Мозе словно громом сразило, и его рука с ложкой овсянки замерла на полпути ко рту. Он подумал о тех остальных долларах, которыми был набит железный котелок, спрятанный под полом в гостиной. И он не мог решиться: это единственное, что у него оставалось, если не считать существа. И он был не в силах с ними расстаться, ведь тогда существо получит возможность починить клетку и тоже покинет его.

Не ощущая никакого вкуса, он съел миску овсянки и выпил две чашки кофе. И все это время существо стояло перед ним и показывало, сколько ему еще нужно монет.

— Уж это я никак не могу для тебя сделать, — сказал Старый Мозе. — Я ведь сделал все, чего только может ожидать одно живое существо от другого, кем бы оно ни было. Я нашел тебя в лесу, согрел тебя и дал тебе кров. Я старался помочь тебе, а когда у меня с этим ничего не получилось, я по крайней мере защитил тебя от всех этих людей, и я не

вырвал тебя, когда ты вновь начал расти. Неужели ты ждешь, что я буду делать тебе добро вечно?

Но это ни к чему не привело. Существо не слышало его, а себя он так ни в чем и не убедил.

Он встал из-за стола и пошел в гостиную, а существо двинулось следом за ним. Он поднял доски, вытащил котелок, и существо, увидев его содержимое, в великой радости крепко обхватило себя конечностями.

Они отнесли монеты в гараж, и Мозе, раздув в горне огонь, поставил на него котелок и начал плавить эти с таким трудом накопленные деньги.

Временами ему казалось, что он не в состоянии довести эту работу до конца, но он все-таки справился с ней.

Существо вынуло из клетки корзинку, поставило ее рядом с горном, зачерпнуло железным ковшиком расплавленное серебро и стало лить его в определенные ячейки корзинки, осторожно придавая ему молотком нужную форму.

На это ушло много времени, потому что работа требовала большой точности, но в конце концов все было сделано, а серебра почти не осталось. Существо внесло корзинку в клетку и укрепило ее на место.

Уже вечерело, и Мозе пришлось уйти, чтобы заняться кое-какими хозяйственными делами. Он был почти уверен в том, что существо вытащит из гаража клетку и, вернувшись домой, он его там не застанет. И он старался разжечь в себе чувство обиды за его эгоизм — ведь существо только брало, не думая ничем отплатить ему и, насколько он мог судить, даже не пытаясь отблагодарить его. Но, несмотря на все свои усилия, он так и не обиделся.

Выйдя из сарая с двумя ведрами молока, он увидел, что существо ждет его. Оно последовало за ним в дом и все время держалось поблизости, и он пытался беседовать с ним. Но душа его не лежала к разговору. Он ни на минуту не мог забыть, что существо уйдет от него, и радость общения с ним была отправлена ужасом перед грядущим одиночеством.

Ведь чтобы как-то скрасить это одиночество, у него теперь не было даже денег.

В эту ночь, когда он лежал в постели, на него нахлынули удивительные мысли. Он представил себе другое одиночество, еще более страшное, чем то, которое он когда-либо знал на этой заброшенной ферме: ужасное, беспощадное одиночество межзвездных пустынь, мятущееся одиночество того, кто ищет какое-то место или живое существо, и хотя их туманные образы лишь едва вырисовываются в сознании, он обязательно найдет то, к чему стремится, и это самое важное.

Никогда ему в голову не приходили такие странные мысли, и внезапно он понял, что это вовсе не его мысли, а того, другого, что был с ним рядом в комнате.

Напрягая всю свою волю, он попытался встать, но не смог. На мгновение он приподнял голову, но тут же уронил ее обратно на подушку и крепко заснул.

На следующее утро, когда Мозе позавтракал, оба они пошли в гараж и вытащили во двор клетку. И это таинственное неземное сооружение стояло там в холодном и ярком свете зари.

Существо подошло к клетке и начало было протискиваться между двумя прутьями, но, остановившись на полу пути, вылезло обратно и подошло к Старому Мозе.

— Прощай, друг, — сказал Мозе, — Я буду скучать по тебе.

У него как-то странно защипало глаза.

Тот протянул ему на прощанье конечность, и, схватив ее, Мозе почувствовал, что в ней был зажат какой-то предмет, нечто круглое и гладкое, перешедшее из руки существа в руку Мозе.

Существо отняло свою руку и, быстро подойдя к клетке, проскользнуло между прутьями. Оно потянулось к корзинке, внезапно что-то вспыхнуло, и клетка исчезла.

Мозе одиноко стоял на заднем дворе, уставившись на то место, где уже не было клетки, и вспоминая, что он чувствовал или думал — или слышал? — прошлой ночью, лежа в постели.

Должно быть, существо уже там, в черном безысходном одиночестве межзвездных далей, где оно снова ищет какое-то место, или вещь, или живое существо, которых не дано постичь человеческому разуму.

Мозе медленно повернулся, чтобы, захватив из дома ведра, пойти в сарай доить коров.

Тут он вспомнил о предмете, который держал в руке, и поднял к лицу все еще крепко стиснутый кулак. Он разомкнул пальцы — на его ладони лежал маленький хрустальный шарик, точно такой же, как тот, что он нашел в складке кармане похороненного им в саду трупа. С той только разницей, что первый шарик был мертвым и матовым, а в этом мерцал живой отблеск далекого огня.

Глядя на него, Мозе ощущал в душе такое необыкновенное счастье и покой, какие ему редко случалось испытывать раньше. Словно его окружало множество людей и все они были друзьями.

Он прикрыл шарик рукой, а счастье не уходило — и это было совершенно непонятно, ведь ничем нельзя было объяснить, почему он счастлив. Существо в конце концов покину-

ло его, все его деньги пропали, и у него не было друзей, но несмотря ни на что, ему было хорошо и радостно.

Он положил шарик в карман и проворно зашагал к дому за ведрами для молока. Сложив трубочкой заросшие щетиной губы, он принял насищивать, а надо сказать, что уже давным-давно у него даже в мыслях не было посвистеть.

Может быть, он счастлив потому, подумал он, что, прежде чем исчезнуть, существо все-таки остановилось, чтобы пожать ему на прощанье руку.

А что касается подарка, то, каким бы он ни был чепуховым, как ни дешева была безделушка, основная ценность его заключалась в том простом чувстве, которое он пробудил. Прошло много лет с тех пор, как кто-либо удосужился сделать Мозе подарок.

В бездонных глубинах вселенной было одиноко и тоскливо без Друга. Кто знает, когда еще удастся обрести другого.

Быть может, он поступил неразумно, но старый дикарь был таким добрым, таким неловким, жалким и так хотел помочь. А тот, чей путь далек и стремителен, должен путешествовать налегке. Ему больше нечего было дать.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Гарри Уолтон. Тот, кто всегда возвращается. Перевод с английского И. Шувалова	3
Билл Браун. Звездные утят. Перевод с английского А. Лебедева и А. Милитарева.....	12
Павел Вежинов. Однажды осенним днем на шоссе. Перевод с болгарского Р. Белло.....	20
Клиффорд Саймак. Смерть в доме. Перевод с английского С. Васильевой и Е. Венсловой.....	35

Н 71 НЛО в зарубежной фантастике: Рассказы /Сост.
Г. Супоницкой.—Л., 1990 — 56 с.

В сборник вошли рассказы зарубежных авторов, посвященные контактам человека с инопланетянами.

ББК 84.4 США

НЛО
В ЗАРУБЕЖНОЙ
ФАНТАСТИКЕ

Рассказы

Составитель
Галина Николаевна Супоницкая

Ответственный за выпуск В. Лемесов
Художественный редактор В. Лужин
Технический редактор Н. Литвина
Корректор М. Зимина

Сдано в набор 03.07.90. Подписано в печать 11.11.90. Формат 60x88₁/16.
Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 3.43. Усл. кр.-отт. 3.80. Уч.-изд. л. 3,39. Тираж 25000 экз. Заказ № 4395.
Цена 2 р. 10 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». Ленинградское отделение. Ленинград, Д-186, Невский пр., 28.
Кооператив «Телекс».

Типография газеты «На страже Родины».
Ленинград, Петропавловская крепость д. 10/50.

Цена 2р.10коп.

